Владимир Смирнов

тульпа

мир /soft/total/

«Красный Матрос» Санкт-Петербург 2017

В. Смирнов

Тульпа — Санкт-Петербург, Санкт-Петербург: ТО «Красный Матрос», ООО «Аргус СПб», 2017. — 140 с.

ISBN 978-5-9909650-1-0

«Красный Матрос» — книга двести пятьдесят первая

Данный текст является общественным достоянием, то есть может свободно использоваться любым лицом.

При этом должны соблюдаться право авторства, право на имя и право на защиту репутации автора (личные неимущественные права автора).

Свободное использование подразумевает:

- использование произведений без согласия автора;
 - без заключения с ним договора;
 - без выплаты вознаграждения.

То же относится и к оформлению обложки— за что отдельная благодарность петербургскому художнику Анатолию Кудрявцеву.

СЕРФЕР, Тихая долина

15 лет 17 дней, утро

В начале был свет. Серфер очнулся в незнакомой комнате, освещенной неестественно белым светом. Запах тоже был не самым приятным, хотя и казался знакомым. Обстановка подчеркнуто скромная — кровать, тумбочка, стул, стенной шкаф. Серфер еще раз внимательно осмотрелся, пытаясь понять, куда же он попал. Правдоподобных версий не было.

Он встал, подошел к окну и выглянул наружу. Второй этаж, внизу какая-то незнакомая улица с разноцветными одноэтажными домами. Судя по всему — небольшой поселок. Выглядело все довольно приятно, но ясности не добавляло. Он подошел к шкафу и распахнул дверцы — одежда была на месте. Уже неплохо. Браслет тоже был на руке. Отсутствовал телефон, но это даже не удивило.

Серфер заглянул в санузел, обустроенный с тем же минимализмом — все нужное и ничего лишнего, принял душ, затем быстро оделся и вышел из комнаты. Он оказался в белом коридоре, таком же пустом и стерильно чистом. Запах на миг усилился, и Серфер вспомнил его — больница. Или санаторий. Хорошо, с местом прояснилось. Осталось понять, почему он здесь.

Молочно-белые двери палат почти сливались со стеной, на сплошном фоне выделялись лишь таблички с номерами. Его комната была двадцать третьей. Отлично. Мир, внезапно потерявший непрерывность, теряет связность; но всего лишь несколько деталей, и в нем вновь появляется определенность. По крайней мере, определенный план действий — спуститься в холл и выяснить все у дежурного. Он знал, что в конце типового коридора должна быть лестница. Вызывать лифт на второй этаж не имело смысла; к тому же, хотя камерами слежения лестницы просматривались ничуть не хуже лифтов, непосредственная близость «зоркого глаза» всегда действовала на него угнетающе.

Он спустился в холл и подошел к стойке сервис-менеджера. Немолодая женщина в белом халате подняла на него глаза и дежурно улыбнулась.

— Здравствуйте, я Кононов из двадцать третьей палаты, — улыбнулся в ответ Серфер, — я хотел бы узнать, что у вас есть на меня.

Женщина повернулась к экрану и сделала несколько уверенных движений пальцами.

- Кононов Павел, пятнадцать лет, эмоциональная перегрузка. Отдых, наблюдение.
 - А когда меня выпишут?
 Женщина пожала плечами:

- Это не я решаю. Но все ведь должно зависеть от тебя, разве не так?
- Наверное, ответил Серфер. A телефон у Вас есть?
- Конечно, женщина порылась в ящике стола и протянула ему какой-то незнакомый аппарат, сильно потертый и напоминающий музейный экспонат.

Серфер непонимающе посмотрел на телефон и спросил:

- А где у него выход в инет?
- У нас нет сети, объяснила женщина. Рекреационная зона, гарантированный покой.

В это Серфер не поверил ни на секунду. Без подключения к сети поселок просто не мог бы существовать. Что-то она скрывает. Впрочем, и само его появление здесь было не менее подозрительным. На всякий случай он решил не спорить.

- А как мне позвонить маме?
- Набери код города, номер справочной, а дальше голосом. Код не забыл?
 - Помню.

Ему понадобилось несколько минут, чтобы соединиться с матерью. Без инета самые простые действия становились сложными и запутанными.

- Ма, привет, это я!
- Паша?

- Да, я. Я сейчас в санатории... он скосил глаза на табличку над стойкой, «Тихая долина». Ты можешь забрать меня отсюда?
- Паша, ты помнишь, как ты туда попал? Откуда тебя взяли?
 - Из музыкальной лавки.
 - А как тебя вообще туда занесло?
 - Музыку выбирал.
 - Музыку, значит...

Голос матери не предвещал ничего хорошего, и Серфер невольно поежился. Понятно, что мать уже знала, как он туда добирался. Знала и про отключенные камеры наблюдения, и про имитацию присутствия на оставленном дома браслете. И наверняка догадалась, что он искал в этом районе и почему так старательно пытался все скрыть. Это же мама, ее не обманешь. Но хуже всего, конечно, было то, что он попался. Какие теперь могут быть последствия, он не мог даже предположить.

- Ма, так когда? снова начал он.
- Врач сказал, что тебе надо отдохнуть. Так что расслабься и ни о чем не беспокойся. Ну, все, пока, у меня вызов на второй линии.

И она разорвала соединение. Серфер мысленно выругался и отдал телефон. Женщина спрятала его в ящик стола и привычно проговорила заученное:

— Столовая на первом этаже, здесь же спортзал и бассейн. Режима нет, приходи, когда проголодаешься. Можешь гулять где хочешь и сколько хочешь, на тебя нет никаких ограничений. Доброго дня!

Она снова улыбнулась своей дежурной улыбкой. Серфер поблагодарил ее и вышел на улицу, залитую весенним солнцем. Сегодня вечером, в крайнем случае, завтра ему предстоит встреча с врачом. Который, конечно же, спросит, что он помнит и как здесь оказался. Так что ответ надо готовить прямо сейчас. Потому что рассказывать все, что с ним произошло — не самая лучшая идея.

СЕРФЕР, город

15 лет ровно, утро

Серфер проснулся за несколько минут до сигнала будильника. Не открывая глаз, он плавно возвращался в реальность, стараясь ухватить обрывки ускользающего сновидения. Но сон, как всегда, растаял бесследно, оставив лишь ощущение чего-то светлого и радостного. Серфер потянулся и открыл глаза. Утреннее солнце пробивалось сквозь жалюзи, день обещал быть солнечным и прекрасным. Как и вся жизнь, открывающаяся впереди.

Сегодня ему исполнилось пятнадцать, знаковый возраст. Из первой возрастной категории он перешел во вторую — теперь он уже не ребенок, но подросток. А это масса новых возможностей. И в сеть он будет выходить с совсем иным уровнем ограничений. Уже вечером он сможет уточнить некоторые давно интересующие его подробности женской анатомии. И, возможно, узнать что-то новое об отце. Только вечером — будет неправильно, надо подождать несколько дней, чтоб не привлекать внимания столь несдержанной заинтересованностью. Хотя сейчас все подростки, наверное, выжидают два-три дня, так что никого этим не обманешь.

Единственный минус подросткового статуса — новые проблемы с одноклассницами. Особенно

с Танькой, конечно. Еще вчера он мог взять ее за руку или тронуть за плечо — но теперь она для него абсолютно запретна. Она еще ребенок, а подростку дотронуться до ребенка — врагу не пожелаешь. Правда, Серфер и прежде никогда не брал Таньку за руку, но раньше он мог позволить себе это хотя бы в мечтах; теперь же даже такие невинные мечты приходилось отодвигать почти на год.

Это было чертовски несправедливо. Но обиднее всего, что Танька на самом деле старше его на два месяца, просто у девчонок вторая возрастная категория начинается с шестнадцати. Когда и зачем ввели это правило, он не знал. Но был уверен — сегодня никто не решится даже усомниться в правильности такого положения. Серфер давно заметил, что жизнь во многом могла быть проще, счастливее и естественнее; но кто-то как будто специально все время усложнял и загаживал ее.

Заиграл сигнал побудки, и Серфер откинул одеяло. Новый статус не менял привычного утреннего распорядка — туалет, зарядка, душ, завтрак, лицей. За завтраком мать чмокнула его в белобрысый затылок и положила на стол распечатку стандартного муниципального поздравления. Основной текст был совершенно безличным, и Серфер привычно пропустил его, сразу перейдя к уведомлениям. Мелкий почерк внизу листа сообщал об об-

новлении атрибутов его личного идентификатора и получении допуска подросткового уровня. Допуска в мир новых возможностей. Вот только лицей, похоже, останется точно таким же.

15 лет ровно, день

Лицей остался таким же унылым; если бы не Танька, он бы, наверное, его возненавидел. И Гарик, конечно, кореш еще с третьего класса. А в остальном — тоска смертная. Но сегодня все было еще хуже. За завтраком Серфер съел пирожное (праздник же, будь он неладен), и живот нещадно скрутило. Он мучился, сидя в школьном туалете, и весь мир казался ему неправильным и несправедливым. Вот хотя бы двери в кабинки — что мешало сделать их чуть больше? Почему даже при нездоровом отправлении надобности ноги и голову надо выставлять на всеобщее обозрение? Он понимал, конечно, что стесняться тут нечего, что процесс этот совершенно естественный и у всех проходит примерно одинаково — но все равно чувствовал какое-то неудобство. В последнее время это чувство стало посещать его все чаще. В мире, который прежде казался таким гармоничным, постоянно находились все новые изъяны.

Серфер вымыл руки и вышел в коридор. На стене перед ним висел стенд с главными принципами молодежного союза.

«Твоя свобода кончается там, где начинается свобода другого».

«Тому, кто не делает ничего плохого, скрывать нечего».

Вот-вот, — подумал он, — это как раз в тему. Что плохого во внезапной потребности просраться? И зачем при этом скрываться от своих товарищей? Разве когда-нибудь было по-другому? Почему же сейчас меня это напрягает? Что со мной не так?

Он пошел в класс, думая на ходу, что теперь придется заново перестраивать отношения с Танькой. Надо будет постоянно держать в голове ее возраст, а эти опасения способны испортить все. Живот снова заныл, словно подтверждая тотальную неправильность мира. Серфер развернулся и быстро пошел к кабинке с декоративной дверцей, почти ничего не скрывающей.

15 лет 4 дня, день

Серфер заварил кофе, поставил чашку на стол и открыл социальную базу — впервые в новом статусе. Перешел на страницу отца. На первый взгляд здесь ничего не изменилось; биография, даты, видеофайлы — все это он видел и прежде. Появилась лишь одна новая ссылка — ближний круг, живая нить среди множества пустых казенных слов. Неужели он сможет наконец встретиться с теми, кто

лично знал отца, был близок с ним? Пульс резко скакнул, а это было нехорошо — программы записи сетевого серфинга одновременно отслеживали и показания с чипа здоровья. Сильные чувства лучше было скрывать, к чему бы они ни относились.

Серфер кликнул по ссылке и перешел в ближний круг отца. Он увидел четыре фотографии — матери и троих незнакомых мужчин. Левицкий, Ковалев, Семенов. Смутное тревожное ожидание, изводившее его все утро, внезапно поднялось с новой силой. Что-то явно было не так. Он присмотрелся внимательнее и понял — двое мужчин были слишком молоды, лет по тридцать, может чуть больше. А отец умер шестнадцать лет назад. Почему база перестала обновлять фотографии, это же автоматическая функция? Как такое вообще могло быть?

Он увеличил детализацию, уже предчувствуя что-то нехорошее. И предчувствия не обманули — Левицкий и Ковалев скончались через год после смерти отца, практически одновременно, с разницей в три дня. Ковалев от инфаркта, Левицкий в автокатастрофе. Серфер непроизвольно сжал пульт. Это было просто невозможно. Чтобы в наше время двое близко знакомых молодых людей погибли вот так, один за другим... Вероятность смер-

ти от инфаркта в тридцатник после всеобщей минздравовской чипизации была почти нулевой, а об автокатастрофе и вовсе нечего говорить — уже лет двадцать никто не попадал в аварии. С тех пор, как была введена всеобщая система автоматизации перевозок, и присутствие человека за рулем стало номинальным. Версия аварии могла говорить лишь об одном — что покойника хоронили в закрытом гробу. А что за этим стояло, Серфер не мог даже представить.

Оставался Семенов. Алексей Николаевич, ник КуДзу, программист, образование, места работы... Серфер бегло просмотрел список, споткнулся, вернулся назад. Так и есть — четыре года куда-то пропали. Этого тоже не могло быть, где-то ведь человек все это время присутствовал. Система не могла его упустить и должна была как-то заполнить пустующие поля. Но почему-то не сочла нужным. Он вернулся назад, к файлам Левицкого и Ковалева, уже догадываясь, что там увидит. Лакуна в биографии была общей у всех троих. Серфер еще раз просмотрел файл отца — в нем ничего не изменилось, никаких подозрительных пробелов. Но, похоже, отец сошелся со своими друзьями именно в этот странный период, пропущенный базой. И не только с ними, но и с мамой тоже. Вот тут Серферу стало по-настоящему тревожно.

15 лет 4 дня, вечер

Он не знал, как начать такой разговор. Но мать, вернувшись домой, сразу заметила его состояние. Она пододвинула кресло и села напротив.

- Ну, что на этот раз?
- Я заходил в базу, в папин ближний круг, где его друзья. Ты их знала?
 - Конечно, отличные были ребята.
 - Они умерли, мама! Умерли одновременно!
- Не преувеличивай. Они погибли в разное время, в разных местах и от разных причин.
- Ма, а часто, по-твоему, тридцатилетние умирают от инфаркта? А в автокатастрофах? Ты веришь в такие совпадения?
- Редко. Но в жизни бывает и не такое, уж поверь мне.

Серфер понял, что сегодня мать больше ничего ему не скажет. Возможно, база откроет и еще чтото, но теперь уже не раньше восемнадцатилетия. Охрана подростков от нежелательной информации, ничего не поделаешь.

- Ма, а расскажи, какими они были, попросил он.
- Очень разными. И в то же время очень похожими. Молодые, веселые и жутко талантливые. С придурью, конечно, не без этого, — она чуть за-

метно улыбнулась. — КуДзу был классическим раздолбаем, я всегда удивлялась, что у него в итоге почему-то все получалось. Кодер такой колючий и высокомерный, но в душе лапочка. А Криворучко с виду валенок валенком, но из сломанной микроволновки мог за полчаса сделать подключенный терминал. Тогда казалось, что для них вообще нет ничего невозможного.

- КуДзу, Кодер... Это же ники?
- Да, что-то вроде. У нас были очень неформальные отношения.
- Но ведь у них были имена! Ты же знаешь, Кодекс общения не рекомендует использовать ники при личном контакте.
- Но ты ведь у меня тоже Серфер, улыбнулась мать.
 - Я Серфер только в сети. И еще для тебя, в семье.
 - Так они практически и были семьей.
- Все равно не понимаю! упрямо продолжал Серфер. Они же взрослые люди! Они же не могли просто игнорировать Кодекс?
- Они-то как раз могли. В то время они жили в нетолерантном секторе и могли позволить себе многое, что нам и не снилось.
- В нетолерантном? Серфер не поверил своим ушам.
 - Да, коротко подтвердила мать.

- И отец тоже жил в нетолерантном секторе? спросил Серфер, хотя и сам уже знал ответ.
- Поверь, он никогда не делал ничего такого, чего стоило бы стыдиться. Никогда. Ты можешь им гордиться.
 - Но никто же просто так туда не попадает!
- В жизни всякое бывает, снова повторила мать, просто поверь мне.

Тема была закрыта. Разговор дал больше вопросов, чем ответов; но хотя бы пробелы в биографиях ближнего круга получили объяснение.

15 лет 7 дней, день

Серфер понимал, что от матери он больше ничего не добьется, по крайней мере, в ближайшие три года. А вот Семенов, возможно, и мог бы чтото рассказать; во всяком случае, попробовать стоило. Серфер твердо решил навестить отцовского друга, но почему-то ему совсем не хотелось, чтобы мать узнала об этом визите. Почему? — он не мог бы ответить. Просто как-то незаметно в его жизни появились области, куда не хотелось никого пускать.

В профайле Семенова лежали все необходимые контакты — соцстраница, почта, телефон, адрес. Но говорить с ним, конечно, можно было только лично — слишком много нестыковок всплыло

в деле отца. И идти к нему придется пешком, в любом транспорте все пассажиры идентифицируются в обязательном порядке. На улице тоже, но там все же оставалась одна хитрая лазейка.

Лицей при Комитете давал неплохие базовые навыки, о которых обычный школьник не мог и мечтать. Пользоваться ими вне учебного курса запрещалось, но на мелкие нарушения обычно смотрели сквозь пальцы. Главное, чтоб ни на что серьезное не замахивались. У Серфера с Гариком тоже был свой маленький секрет — несколько лет назад они нашли открытый вход на сервер службы городского ремонта, где отображались координаты всех неисправных камер наблюдения. Тогда они несколько недель увлеченно играли в разведчиков — кто проложит самый длинный маршрут и пройдет по нему незамеченным. Смешно, конечно. Браслет здоровья постоянно на связи с серверами минздрава, и кроме информации с вживленного чипа передает и данные геолокации. Незаметность была лишь игровой иллюзией, как и воображаемый пистолет под мышкой.

Но теперь все будет иначе. Браслет он оставит дома. Собственно, браслет — всего лишь продвинутый интерфейс для усиления сигналов с вживленного чипа здоровья. Эмулятор сигналов Серфер уже собрал и надеялся, что тот прикроет его на не-

сколько часов. Программа прокладки маршрута непрерывно сканировала списки нерабочих камер, пытаясь проложить неотслеживаемый путь в соседний район. Оставалось только ждать.

15 лет 11 дней, день

Поднявшись на третий этаж, Серфер подошел к стальной двери и нажал кнопку вызова. Включился экран домофона, и на нем появилось лицо Семенова, небритое и слегка помятое. Впрочем, таким же оно было и на фотографии в профайле.

- Чем могу? неприветливо спросил Семенов. Серфер вдруг сообразил, что бейсболка с низко опущенным козырьком полностью скрывает его лицо. Поспешно сдернув ее, он сказал в прорезь микрофона:
- Добрый день! Я Паша Кононов. Могу я... Договорить он не успел. Дверь распахнулась, и в ноздри ударил чудесный запах жареного мяса. Рот мгновенно наполнился слюной.
- Пашка? Семенов широко улыбнулся. Вот уж не ожидал. Ну, заходи.

Он чуть отступил в сторону, освобождая проход. Серфер вошел в прихожую и остановился, не представляя, что делать дальше. Семенов закрыл дверь, взял из его рук бейсболку и повесил рядом

со своей, затрепанной почти до неприличия. Затем вновь оглядел его с веселым интересом.

— Так вот ты какой, ПалПалыч... Кто бы мог подумать... Ладно, пойдем на кухню, а то там сейчас яишенка подгорит.

Семенов махнул рукой, и Серфер молча пошел в указанном направлении. По пути он успел заметить открытую дверь и комнату за ней, совсем не похожую на жилую. Кухня тоже была непривычно захламленной, разительно отличаясь от стерильной обстановки его привычного окружения. Семенов подвинул ему стул и стал раскладывать яичницу на тарелки. Затем достал из холодильника бутылку без этикетки и пакет томатного сока, взял из сушилки высокий стакан и поставил его перед Серфером.

— Начнем, пожалуй!

Серфер обедал совсем недавно, но яичница с кусочками жареного мяса выглядела так аппетитно, а от запаха поджарки слюна непроизвольно заполняла рот... Он не заставил себя упрашивать и мгновенно смел свою порцию с тарелки. Он проглотил бы ее еще быстрее, если бы не боялся, что желток капнет на подбородок — салфеток на столе не было.

Наверное, это ужасно вредно, — подумал Серфер, — жареное на масле. Но как же вкусно, особенно по сравнению с привычными ежедневными кашами и салатами. Видимо, все здоровое и пра-

вильное всегда не самое приятное, а все восхитительно вкусное — всегда жутко вредно. Стоит ли оно того? Мать выглядит лет на десять моложе Семенова, если не на пятнадцать — а ведь они почти ровесники. Впрочем, для кого ему молодиться — ничто на кухне не говорило о присутствии женщины в доме. Хронический холостяк может позволить себе расслабиться и наслаждаться сладкой свободой медленного саморазрушения.

Серфер пил сок мелкими глотками; Семенов, откинувшись на спинку стула, потягивал что-то из своей бутылки.

- Так что же тебя сюда привело?
- Я... Серфер сбился, начисто забыв заготовленные фразы. Мне недавно исполнилось пятнадцать, и я нашел в базе твой адрес. Я хотел спросить об отце... Это правда, что вы были с ним в нетолерантной зоне?
- Правда. В тот год там собралась замечательная компания, и он достойно в нее вписался.
 - А за что его туда отправили?
- Не за что, а для чего. Он должен был обеспечить перезагрузку. Слышал про нее?
- Слышал, конечно. А мама... Мама тоже была там?
- Маша? Семенов покачал головой. Нет, что ты. У нее была другая задача. Это запутанная

история. Но я тебе так скажу — тогда каждый сделал то, что должен. Ты можешь гордиться своим отцом.

— Все так говорят, — поморщился Серфер, — и никто не рассказывает ничего конкретного. Что же там все-таки было на самом деле?

Семенов сделал долгий глоток, как будто брал время на размышление.

- А разве Маша тебе ничего не рассказала?
- Очень мало. Они ведь и знакомы были совсем недолго. Знаю только, что отец заведовал кафедрой, участвовал в перезагрузке, а через месяц умер, еще до моего рождения.

Семенов поставил бутылку на стол.

— Не совсем так. С этой смертью... На самом деле Профессор погиб в тот же день, сразу после перезагрузки. Его подключили к системе жизнеобеспечения, потом была канитель с формальностями по отключению. Но мозг был мертв с того самого дня.

15 лет 11 дней, вечер

Серфер шел домой тем же маршрутом, пытаясь переварить полученную информацию и уложить ее хоть в какую-то внятную систему. Но это не очень удавалось — рассказанное Семеновым казалось бредом, с какой стороны ни посмотри. Он знал, что после перезагрузки случались проблемы с кадрами; но не до такой же степени! По рассказу Семенова выходи-

ло, что обоих его друзей застрелил какой-то Рогов из Комитета — как в низкобюджетном боевике из другой эпохи. Но такого просто не могло быть, хотя бы потому, что комитетчики никогда не носят оружия. Серфер знал это совершенно точно — мать брала в руки пистолет лишь раз в году, на тренировочных сборах. Как и Антон, и все их знакомые. В оружии давно уже не было никакой необходимости.

Но, если верить Семенову, этот Рогов с пушкой вообще не расставался. Он ее не просто таскал под мышкой, но и постоянно непроизвольно дотрагивался до кобуры. Слишком дерганый, слишком неуверенный, случайно попавший совсем не на свое место. После перезагрузки система приходила в равновесие несколько лет, и порой это сопровождалось неприятными инцидентами; но ничего подобного Серфер и представить не мог. Стрельба, двойное убийство, да такое, что жертве полголовы разворотило. И никто ничего не знает! Тишь да гладь, инфаркт и автокатастрофа.

Разум отказывался этому верить. Столь же неправдоподобной казалась и причина трагедии. Рогов якобы хотел перехватить проект, над которым работали друзья отца. Семенов называл его тульпой, иногда — исправленной реальностью. Что это значило, он не объяснил. Сказал только, что над комплексом удаленно работали несколько десят-

ков программеров из разных регионов. Левицкий координировал проект и отвечал за безопасность — резал код на фрагменты, шифровал, раскидывал по разным серверам, перемещал постоянно. И все держал в голове. Поэтому проект и умер вместе с ним.

Левицкий принципиально собирал комплекс только в оперативной памяти, отлаживал, а потом снова резал, шифровал и раскидывал. Никаких следов не оставалось. А Рогову очень хотелось заполучить тульпу, у Комитета были на нее свои планы. Но только врываться в аппаратную в момент сборки не стоило, особенно с пушкой в руках. Левицкий оттолкнул Рогова, тот выстрелил и попал ему прямо в голову. Скорее всего, выстрелил случайно; но это уже не имело значения. Ковалев бросился на Рогова, но тот и в него успел всадить несколько пуль. Пули потом извлекли и списали все на инфаркт. А с Левицким убийство было не замолчать, у него пол-лица снесло. Пришлось выдумывать аварию.

Серфер не мог заставить себя поверить в эту историю, слишком неправдоподобной она казалась. Но он уже знал, что скоро вновь вернется сюда. Потому что больше ему негде было узнать про отца. И про Левицкого с Ковалевым, которых Семенов упорно называл Кодером и Криворучко. И, конечно, про эту таинственную тульпу.

15 лет 12 дней, вечер

На следующий день коридор еще не успел закрыться, и Серфер без колебаний воспользовался этой возможностью. Он сидел напротив Семенова в комнате, которую по привычке определил как жилую, хотя места для обычной жизни в ней почти не осталось. Все было заставлено серверными стойками и стеллажами с какими-то корпусами и экранами. Узкий коридор между стойками вел к дивану у стены. В углу виднелся огороженный ширмой закуток, похожий на кабинку в примерочной.

— КуДзу... — Серфер замялся.

Семенов сам попросил называть его так, но этому противилась многолетняя сила привычки. Приходилось каждый раз преодолевать себя.

- Я вот что хотел спросить. Ты говорил, что после Кодера никто не мог собрать полноценную тульпу. Но почему? Есть же симуляторы реальности, они даже в школьную программу входят. В прошлом году у нас было «Плавание с дельфинами», в этом «Прогулка по Луне».
 - Ну и как оно? живо поинтересовался КуДзу.
- Интересно. Ощущения очень реалистичные, ответил Серфер.
- Вот именно. Ощущения! презрительно бросил КуДзу. А исправленная реальность прак-

тически неотличима от обычной, она даже в чем-то более четкая. Если и возникают сомнения в подлинности — то как раз когда выходишь из нее, когда возвращаешься обратно.

— Ты хочешь сказать, что она кажется более подлинной, чем реал?

— Именно. Мы даже сделали специальный маркер, чтобы не путаться. Если скосить глаза вправо и вверх — можно увидеть там красную точку. Но это только поначалу; а потом, когда втянешься, ее уже при всем желании не разглядеть. Мозг накрывает ее слепым пятном.

Серфер непроизвольно скосил глаза вправо и вверх.

- Правильно мыслишь! похвалил КуДзу. Это, кстати, я совершенно серьезно.
- Серьезно? переспросил Серфер. Значит, тульпу не уничтожили?
- Об уничтожении никто не говорил, код разбросан по всему инету. Проблема в том, чтобы собрать и расшифровать комплекс.
 - И тебе это удалось?

КуДзу оценивающе посмотрел на Серфера, но ничего не сказал.

— Так удалось? — снова спросил тот. — Мама говорила, что для вашей команды не было ничего невозможного.

- Кое-что удалось, наконец ответил КуДзу, — но это не совсем то, что ты себе представляешь.
- А что тут можно представить? Вы же сделали симулятор, только более реалистичный? Разве не так?
- Не совсем так. Мы начинали с симуляторов. Это был мир чистых иллюзий, где можно было общаться с эльфами и единорогами, задавая им любые произвольные параметры. Как же мы там оттягивались! Кстати, тогда же мы подтвердили предсказанную твоим отцом закономерность чем ближе симулятор к реалу, тем больше в нем естественных ограничений. В виртуале, например, идеальная женщина так же невозможна, как и в реале. Слишком противоречив набор параметров.
- В каком смысле подтвердили? спросил Серфер.
- В самом прямом. Мы все убедились в этом на собственном опыте. Так что этот закон можно считать универсальным.
 - Ты шутишь?
- Увы, нет, вздохнул КуДзу. Поверь, все обстоит именно так. А потом Кодер предложил подключить к комплексу базу социальных прогнозов, где собрана информация обо всех гражданах Федерации. Чтобы моделировать вероятные реакции каждого. И результаты превзошли все ожидания.

Вот тогда-то за нами и начали охоту. Но мы всегда оказывались на шаг впереди, потому что могли просчитать всех заранее. Только Рогова никто не принимал всерьез, поэтому все так нелепо и закончилось.

— А разве можно просчитать человека? — спросил Серфер. — То есть, я хотел сказать, с желаемой достоверностью. Там же будет огромный вероятностный люфт.

— Ты даже не представляешь, сколько информации хранят современные системы big data и насколько точные прогнозы можно делать на их базе, — заверил КуДзу. — Пока сам не попробуешь, ни за что не поверишь.

- А можно? недоверчиво спросил Серфер.
- Нет, конечно, КуДзу сурово нахмурился, категорически запрещено! Разве что сыну ПалСаныча...

Суровая гримаса на его лице превратилась в хитрую улыбку.

— И это действительно сработает? — спросил Серфер. — Я смогу пойти куда захочу и поговорить с кем захочу прямо в вашей тульпе?

— В исправленной реальности, — поправил Ку-Дзу. — Тульпа это другое. Социальная база хранит виртуальные портреты всех граждан; обращаясь к ней, можно точно просчитать реакцию любого человека на любое действие и на любую фразу.

Поразительно точно, мы и сами первое время не могли поверить. С любым человеком можно встретиться в виртуале, побеседовать и даже вступить в физический контакт. Этот виртуальный образ мы и назвали тульпой. Но при желании можно внести в выбранный портрет некоторые изменения, и тогда результат будет совсем иной.

- Какие изменения?
- Да почти любые. Например, захочется тебе встретиться с одноклассницей, которой ты не нравишься и в исправленной реальности она будет от тебя без ума. И, конечно, внешность ей можно подправить грудь увеличить или уменьшить, цвет волос изменить, веснушек добавить или убавить. Все что угодно, хоть цвет трусов...
- Понятно! поспешно перебил Серфер, краснея. А без исправлений можно попробовать?
- Тебе можно, подтвердил КуДзу, но теперь уже в другой раз.

15 лет 15 дней, утро

Серфер поймал себя на том, что снова смотрит на Таньку. Все мысли просто отключились, он даже не мог сказать, сколько времени пробыл в таком трансе. Учитель что-то говорил, меняя картинки на экране, но слова пролетали мимо, никак не воспринимаясь.

КуДзу сказал, что можно поменять все, даже цвет трусов. А если не менять — он будет таким же, как в реале? И база его знает? Наивный вопрос; конечно же, база знает. Она еще и не то знает — и цвет, и размер, и где и когда куплены, и сколько раз стирались. База знает гораздо больше, чем покажет в итоге. Просто потому, что визуализировать можно только крошечную вершину айсберга, а весь гигантский массив информации, стоящий за ней, будет лишь смутно подразумеваться.

О чем это я! — оборвал он себя. — Я же не собираюсь... Конечно нет, никто ничего не покажет и не увидит! Это же Танька!

Танька давно волновала Серфера, непрошено вторгаясь в его мысли. Хотелось подойти к ней, заговорить, посмотреть в глаза. Раньше это получалось как-то само собой, но где те времена. Теперь все изменилось; рядом с Танькой он мгновенно глупел, мялся, мямлил что-то невнятное и в итоге начинал себя ненавидеть. Стыдно даже представить, как это смотрелось со стороны.

Но этот позор преследовал его только в реале; в мечтах же он, конечно, вел себя уверенно, говорил красиво и немногословно, а Танька слушала его с молчаливым восхищением. И в мечтах они всегда были одни, тогда как в реале, подходя к девчонке, он сразу оказывался в центре внимания, под

хищным прицелом десятков любопытных глаз. Это тут же выбивало Серфера из колеи, и остатки уверенности в себе мгновенно испарялись.

Один раз Танька даже приснилась ему. Он держал в ладонях ее лицо, а она смотрела на него снизу вверх щемяще-беззащитным взглядом. Внутри у него что-то схлопнулось, и он проснулся.

А в прошлом году ему приснилась Гуля — одноклассница, ничем особо не выделявшаяся, разве что в созревании чуть опережающая своих сверстниц. Но то, что он делал с ней во сне... Сюжет, записанный на носитель, наверняка потянул бы на отправку в нетолерантную зону. Серфер догадывался, почему в этой роли оказалась именно Гуля — однажды он случайно дотронулся до нее, столкнувшись на физкультуре. Совершенно случайно; она сама на него налетела. И ведь прекрасно знала, что сама; но все равно посмотрела с таким нескрываемым ехидством, как будто он специально это подстроил. А на следующей перемене, увидев Гулю в кругу хихикающих подруг, Серфер не на шутку испугался — ему показалось, что сейчас она рассказывает им выдуманную историю «как Пашка меня облапал». И долго потом он вздрагивал, услышав за спиной девчоночье хихиканье.

Сон с Гулей был восхитителен и завершился обильной поллюцией. Серфер подумал, что с удо-

вольствием пережил бы его еще раз. Внезапно его кольнула неприятная мысль — но ведь Гуля из сна это, по сути, та же самая тульпа. Только менее реальная, менее детализированная, менее управляемая. Прекрати немедленно! — приказал он себе. Сделать что-то подобное в исправленной реальности было бы преступлением, потому что там все действия осознаны. А за сознательные поступки всегда надо отвечать, даже если при этом нет пострадавших. Зато сон — он как бы сам по себе, в нем с тобой просто что-то происходит, и ты ни за что не отвечаещь.

Но это утешение было ложью. Серфер помнил, что последняя стадия того сна была вполне осознанной. Когда он полез Гуле под юбку, он уже знал, что это сон. И желал он в тот момент лишь одного — продлить сновидение как можно дольше и продолжать делать то, чего делать нельзя. Я настоящий преступник, — подумал он с тоской. — Возможно, это и есть главный признак взросления. Как все-таки жаль, что детство так быстро закончилось.

Усилием воли Серфер заставил себя перевести взгляд на учителя. Гарик толкнул его локтем:

- Ну, ты залип!
- Залип, покорно согласился Серфер, стряхивая неприятные мысли. Слушай, я вот что хотел спросить. Помнишь, мы когда-то залезали

в городскую ремонтную базу? По камерам наблюдения? Ты не в курсе, там не было возможности их отключать?

- Да ты что! Гарик постучал себя пальцем по виску. Знаешь, что за это будет? Это же зона общественной безопасности!
 - Да знаю, знаю. Ладно, проехали.
- Э, нет! в глазах Гарика блеснуло веселое безумие, которое Серфер знал слишком хорошо. Колись, что ты задумал! Я участвую!
 - Все, не надо уже, я понял...
- Паштет, не тупи! перебил Гарик. Мне нет пятнадцати, меня, в случае чего, просто отругают. А тебя запросто могут выкинуть с технического потока, сам должен понимать.
- Ты прав, конечно. Но только не спрашивай ни о чем, пока я даже тебе не могу сказать, зачем это нужно.
- Я всегда знал, что ты свинья! мгновенно отреагировал Гарик. Но мы же друзья?
 - Друзья, согласился Серфер.

15 лет 16 дней, день

Дожидаться следующего коридора не имело смысла, ожидание могло растянуться на недели. Немного поколебавшись, Серфер передал Гарику проблемные адреса, и когда проход открылся, сорвался

к дому КуДзу чуть ли не бегом. Слишком много вопросов накопилось у него в последнее время.

КуДзу, как обычно, никуда не торопился. Он заварил кофе и приготовился к очередному вечеру вопросов и ответов. Серфер сделал маленький глоток и отодвинул чашку — напиток был слишком горячим.

- Я могу понять, что Рогов чего-то не знал или что-то переоценил. Я другого не понимаю вы-то зачем так секретничали? Для чего все эти заморочки с оперативной памятью? Почему нельзя было просто хранить исходники на диске?
- Это долгая история, КуДзу рассеянно потер ладонью щетину, в двух словах и не объяснишь... Ну вот, допустим, внешнее сканирование выявит, что ты хранишь на диске порноролик. Это будет проступок, за который полагается наказание, так?
- Нет у меня никакого порно, я же не идиот! резко возразил Серфер.
- Это не важно, отмахнулся КуДзу, суть ты понял. А теперь представь, что ты такую же сцену прокручиваешь в своем воображении. Было такое?
 - Нет! поспешно ответил Серфер, покраснев.
- Было, не поверил КуДзу, конечно было. Но никакого наказания не последовало. А в чем разница?

— Это же совсем другое. Там же просто мысли, без детализации...

КуДзу отрицательно покачал головой.

— При чем тут детализация? Представь, что в первом случае на твоем диске находят короткий эротический рассказ, а во втором ты помнишь его наизусть и читаешь про себя. В чем разница?

Серфер на минуту задумался.

- Ты хочешь сказать, что карают только за информацию на носителе, которую можно скопировать?
- Во-от! удовлетворенно протянул КуДзу. Как работает оперативка, тебе, надеюсь, объяснять не нало?
- Не надо. Но ведь вы же не порнографией занимались, верно?
- Не в том дело. Для Комитета тульпа еще более тяжкий проступок. Это как оружие, пользоваться которым имеют право лишь особо доверенные. А для обычного гражданина даже хранение такой технологии преступление. Меня терпят лишь потому, что Комитет до сих пор надеется перехватить исходный код.
- Но почему? Разве это не простой симулятор, только более реалистичный? Серфер сделал глоток, обжегся и поморщился.

КуДзу улыбнулся.

- Он слишком реалистичен. Это качественный скачок, никому пока не доступный. Его боятся на иррациональном уровне.
- Комитет?! не поверил Серфер. Боится? Не может такого быть!
- \mathbf{H} же говорил, что пока ты сам туда не войдешь, ни за что не поверишь.
- Но ведь никто из комитетчиков туда не входил? Почему же они поверили?
- Маша была там, спокойно ответил КуДзу, и даже написала об этом подробный отчет.

Серфер вздрогнул и одним судорожным глотком допил свой кофе. Мир, всегда казавшийся таким простым и понятным, вдруг повернулся к нему пугающей стороной.

15 лет 16 дней, вечер

Вопросов оставалось много, но после последнего откровения продолжать не было никакого желания. Как-нибудь потом — может быть; но не сейчас. Сейчас он больше всего хотел, чтобы КуДзу рассмеялся и сказал что-то вроде: «А ты и поверил? Ну-ну!» Потому что верить в то, что он услышал, совсем не хотелось.

Но и отмахнуться от этого он не мог. КуДзу предложил простой опыт, который должен был все прояснить. Серфер все меньше верил ему, да и не хотел

верить; он подозревал, что в предложенном фокусе скрыт какой-то подвох, поняв который можно будет уличить КуДзу во лжи, обесценив тем самым и всю его историю. Мысленно он уже проделал это несколько раз — и с нетерпением ждал возможности разоблачить, наконец, затянувшийся обман.

КуДзу встал и жестом пригласил его к окну.

— Видишь музыкальную лавку у перекрестка? Был когда-нибудь в такой?

Серфер отрицательно помотал головой.

— Конечно нет, сейчас всю музыку покупают в инете, — согласился КуДзу, — а в эти лавочки заходят только старики — просто поболтать, пообщаться, рассказать консультанту о добрых старых временах. Их открыли лет двадцать назад, по кризисной программе трудоустройства гуманитариев, вместе с информаториями и социальными консультациями; но сейчас это не важно. А важно вот что — там сидит простая позитивная девушка, готовая поговорить с любым посетителем. Я предлагаю тебе подойти к ней в исправленной реальности, задать любой вопрос о музыке, немного поболтать о чем угодно. А потом вернуться сюда и повторить то же самое, но уже в реале. И сравнить результаты. Только, пожалуйста, без глупостей. Первый опыт может шокировать, так что постарайся держать себя в руках.

- Это розыгрыш? недоверчиво спросил Серфер. Вы с ней договорились заранее, чтоб меня разыграть?
- Зачем мне тебя обманывать? КуДзу, похоже, его недоверие нисколько не обидело и не удивило. Впрочем, ты можешь проверить это прямо сейчас. Спросить у нее все, что придет в голову. Ты готов?
- Всегда готов! ответил Серфер заученным лозунгом молодежного союза.

Но КуДзу то ли не заметил иронии, то ли не обратил на нее внимания. Он достал со стеллажа пластиковый пакет, вскрыл его и протянул Серферу контейнер с глазными линзами и два миниатюрных наушника.

- Справишься?
- Без проблем!

Серфер быстро надел линзы, вставил в уши динамики и вопросительно посмотрел на КуДзу. Тот поколдовал немного с клавиатурой, а затем прошел в угол комнаты и отодвинул полог в закуток, принятый Серфером за примерочную.

- Отлично! Теперь иди сюда, начнем настройку.
- Какую настройку? не понял Серфер. Без шлема, без комбеза? Даже без перчаток?

КуДзу довольно улыбнулся.

— Ничего этого не нужно. Видео и звука вполне достаточно; если правильно настроиться, весь

остальной мир мозг достроит самостоятельно. Я же говорил, это тебе не школьная «прогулка по Луне».

Серфер зашел в закуток и оказался между трех огромных зеркал, доходящих чуть ли не до потолка.

— Маркер видишь? — спросил КуДзу.

Серфер скосил глаза вправо и вверх. Красная точка была на месте.

- Вижу.
- Хорошо. Подвигай головой... Теперь руками... Сделай мельницу... Отлично... Попрыгай... Выше...

Только подпрыгнув, Серфер понял, что же с самого начала напрягало его в этом закутке — отражение было немного рассинхронизировано, самую малость. Как будто подпрыгивая, он зависал на миг дольше, чем следовало. Это было почти незаметно; но голова сразу закружилась и Серфер остановился.

- Это ведь не зеркала? спросил он.
- Экраны, ответил КуДзу. Кстати, их твой отец придумал, он многое вложил в этот проект.

Серфер вертелся перед экранами, пока дурнота не прошла окончательно. После этого КуДзу усадил его в глубокое кресло.

— Маркер?

Серфер скосил глаза.

— На месте.

КуДзу вновь застучал по клавишам.

- Готово! Сегодня твоя тульпа Наташа Круглова, бакалавр, специализация этномузыка Поморья. Никаких корректив; она будет точно такой же, как в реале. Твоя задача зайти в лавку, задать несколько вопросов и вернуться сюда. Вопросы любые. Да, если закружится голова просто остановись и пережди, торопиться тебе некуда. Все понятно?
 - Понятно, ответил Серфер.
 - Всегда готов? с улыбкой спросил КуДзу.

Похоже, таким нелепым передразниванием он хотел снять напряжение; но это не сработало. Серфер лишь коротко кивнул:

— Всегда.

КуДзу щелкнул по какой-то клавише:

— Готово. Подключен. Добро пожаловать в исправленную реальность.

Серфер вновь непроизвольно скосил глаза вправо и вверх.

- Я уже там?
- Там, там. Помнишь свою задачу? Встань и иди.

15 лет 16 дней, вечер

Серфер вышел на улицу и не спеша побрел к музыкальной лавке, внимательно рассматривая окрестные дома. Он искал в картине мира какую-то

нестыковку, какой-то едва заметный дефект фактуры, отличающий подделку; но исправленная реальность, если это действительно была она, ничем не отличалась от настоящей. За исключением маркера; но это могло быть лишь свойством правой линзы.

Подойдя к дверям музыкальной лавки, Серфер остановился в нерешительности. Он надеялся, что все закончится гораздо раньше, с обнаружением какого-нибудь дефекта, и не был готов к разговору с тульпой. Все нормально, — сказал он себе, — это просто девушка, а я просто посетитель. Проходил мимо и решил заглянуть — из любопытства.

Он толкнул дверь и вошел. Послышался мелодичный звон колокольчика, и невысокая темноволосая девушка встала ему навстречу. Она была довольно миловидной пышечкой в пестрой блузке и черной юбке. На кармашке блузки было вышито имя — Наташа. Серфер прочитал его, а потом вдруг сообразил, где находится слово и на что он сейчас уставился. Кровь бросилась ему в лицо, и он окончательно смутился. Девушка, конечно же, все поняла, но сделала вид, что ничего не заметила. Она широко улыбнулась и сказала:

— Привет! Меня зовут Наташа, но это ты, наверное, уже понял.

Серфер кивнул и покраснел еще сильнее. Девушка продолжала:

- Я могу тебе чем-то помочь?
- Да, спасибо, Серфер с трудом выдавливал из себя слова. Меня интересует музыка сфер. Друг сказал, что в сети ее нет, что ее передают только из рук в руки.

Наташа понимающе кивнула.

— Это известная городская легенда. Рассказывают, что во времена противостояния государств какие-то секретные ученые несколько десятилетий фиксировали гравитационные колебания Солнечной системы, а потом конвертировали эту запись в звук и ускорили в миллионы раз. По одной версии, при этом получилась музыка невыразимо прекрасная, по другой — невыносимо ужасающий звуковой ряд. Так или иначе, ученые уничтожили запись и поклялись ни с кем не делиться своей тайной. Но по легенде, в бункере случайно осталась забытая копия, которую через много лет обнаружила группа диггеров. И будто бы теперь эта запись тайно ходит по рукам, но получить ее может далеко не каждый.

Голос девушки, торжественный и одновременно доверительный, понизился до шепота. Видимо, легенда имела не только законченный сюжет, но и устоявшуюся форму передачи. Наташа выдержала эффектную паузу и закончила своим обычным голосом:

- Но это, конечно, всего лишь легенда. Если в мире и есть музыка, отсутствующая в сети то разве что в голове какого-нибудь композитора.
- Жаль, разочарованно произнес Серфер, а я надеялся... Тогда я пойду?

Прозвучало это так, как будто он спрашивал разрешения.

- Подожди минутку, попросила Наташа. Музыки сфер в пифагорейском смысле в сети, конечно, нет. Но ты никогда не думал, почему там нет и никакой другой музыки с таким же названием? Да и вообще по этой теме ничего нет, кроме Пифагора, Аристотеля и их сподвижников?
 - Не знаю, не задумывался.
- А стоило бы. Видишь ли, выражение «слушать музыку сфер» давно стало идиомой. Оно означает получение сверхнормативного удовольствия, которого невозможно достичь легальными способами. Поэтому ни один нормальный человек не будет входить в сеть с таким поисковым запросом. Понимаешь?
- Вот оно что, протянул Серфер, спасибо, Наташа.
- Не за что, улыбнулась девушка, заходи как-нибудь, здесь всегда рады гостям.

Серфер попрощался и вышел на улицу. Всю дорогу он прокручивал в голове свой разговор с Ната-

шей, стараясь запомнить его дословно, и даже не заметил, как оказался у знакомой двери. Так же сомнамбулически он прошел в комнату и, в последний раз скосив глаза на маркер, уселся в кресло, из которого начал свою прогулку. КуДзу немного повозился с клавиатурой и объявил:

— Все, отключен. Можешь вынимать линзы.

Серфер послушно снял линзы и наушники, вернул их на прежнее место. Скосил глаза — маркера не было. Перевел взгляд на КуДзу — тот смотрел на него с живым интересом.

- Ну, рассказывай, как впечатления?
- Я действительно не вставал с этого кресла? недоверчиво спросил Серфер.

КуДзу довольно рассмеялся.

- Ни на секунду! Я так понимаю опыт удался?
- Не то слово! Полное погружение. Нет, правда не вставал?
- Правда, правда, КуДзу, похоже, забавляло его недоверие, ты ведь дошел до лавки? И о чем говорили?
- О пифагорейском строе, ответил Серфер, опасаясь, что его интерес к музыке сфер КуДзу может понять неправильно, но не думаю, что это удастся повторить. Слишком сложная тема.
- Наоборот, чем сложнее тема, тем меньше будет расхождение. База помнит все файлы, которые

Наташа скачивала и просматривала, все прослушанные ею лекции, все ее рефераты, курсовые и, конечно, диплом. Вероятность, что любые ее слова о теории будут близки к соответствующей цитате, почти стопроцентная. С учетом коэффициента забывания и личных особенностей речи, которые программа тоже попытается смоделировать.

Серфер недоверчиво нахмурился.

- Звучит не очень убедительно.
- Вот сейчас сам во всем и убедишься. Только будь осторожнее. У тульпы нет памяти, она стирается полностью. А реальная Наташа тебя запомнит.
- Ладно, понял, Серфер встал с кресла и с наслаждением потянулся, — вернусь и все расскажу.
 - Буду ждать, ответил КуДзу.

15 лет 16 дней, вечер

Серфер толкнул дверь и вошел. Послышался мелодичный звон колокольчика, и невысокая темноволосая девушка встала ему навстречу. Она была довольно миловидной пышечкой в пестрой блузке и черной юбке. На кармашке блузки было вышито имя — Наташа. Девушка широко улыбнулась и сказала:

— Привет! Меня зовут Наташа, но это ты, наверное, уже понял. Я могу тебе чем-то помочь?

Серфер почувствовал, как неконтролируемо ускоряется сердечный ритм. Это было даже не deja vu, скорее похоже на прохождение игры после отката к последнему сохранению — если делать те же ходы, все должно повториться в точности. Он глубоко вдохнул и ответил:

— Да, спасибо. Меня интересует музыка сфер. Друг сказал, что в сети ее нет, что ее передают только из рук в руки.

Наташа кивнула.

— Я знаю эту городскую легенду. Говорят, что во времена противостояния какие-то ученые много лет фиксировали гравитационные колебания Солнечной системы, а потом перевели эту запись в звук и ускорили. По одной версии, при этом получилась невыносимо прекрасная музыка, по другой — нечто совершенно ужасное, убивающее желание жить. Ученые уничтожили запись и поклялись никому ничего не рассказывать. Но случайно в их бункере осталась одна забытая копия, которую через много лет обнаружили диггеры. И вот теперь эта запись якобы тайно ходит по рукам. Но получить ее может далеко не каждый.

Серфер привычно скосил глаза. Маркера не было. Неужели реальность? — снова спросил он себя. — С такими совпадениями? Но этого же просто не может быть! Наверняка это опять ка-

кой-то дурацкий фокус КуДзу. А на самом деле сейчас я сижу у него в кресле, и он прокручивает мне свой симулятор по второму разу. Надо только очнуться, встать с кресла, и весь этот морок сразу закончится.

Но как это сделать, Серфер не знал. Никаких проблем во владении телом или языком у него не было — но только в этой реальности. Он понимал, что если сейчас вернется, ничего не выяснив до конца, КуДзу и дальше сможет водить его за нос. Нужно было срочно придумать какой-нибудь тест на реальность, позволяющий гарантированно отличить действительность от компьютерной симуляции. Проще всего было бы заказать что-нибудь в этой лавке, а после сверить баланс счета. Или лучше купить прямо здесь, потому что баланс — это тоже лишь временная запись в памяти компьютера, а материальная вещь должна исчезнуть, выскользнуть из рук, как только он снимет линзы и встанет с кресла. В теории все было просто. Но, к сожалению, его браслет с идентификатором остался дома, и расплатиться было нечем. И хотя уйти без браслета было его собственным решением, Серфер никак не мог избавиться от подозрения, что исправленная реальность специально смоделирована так, чтобы противиться любым попыткам ее верификации. Эта мысль его разозлила.

Надо было попытаться выйти из симулятора прямо сейчас — но как? Не следовало повторять сценарий первого прохода; наоборот, нужно было совершить что-то очень неординарное. Нарушить Кодекс. Разбить витрину, например. Или украсть что-нибудь. И не тайком, а демонстративно — взять и не заплатить. Он потянулся было к лежавшему на витрине значку, но отдернул руку. А вдруг это все же настоящий реал? Вряд ли, конечно — но вдруг? Нет, только не воровство. Нужно что-то более простое. Действие, которое потом, если все же потребуется, можно будет хоть как-то объяснить. И Серфер решился.

- Конечно, это всего лишь легенда, продолжала Наташа, если музыки нет в сети, искать ее бесполезно.
- Жаль, повторил Серфер свою реплику, а я надеялся... Тогда я пойду?
- Подожди минутку, попросила Наташа. Музыку сфер в пифагорейском смысле никто не записывал и не прослушивал, это правда. Но ты никогда не думал, почему в сети нет никакой другой музыки с таким названием? Почему по этой теме там ничего нет, кроме Пифагора, Аристотеля и их последователей?
 - Не знаю, не задумывался.
- А напрасно. Потому что выражение «слушать музыку сфер» давно стало идиоматическим.

Так называют получение сверхнормативного удовольствия, которого невозможно достичь легальными способами. Поэтому сегодня никто не рискнет входить в сеть с таким поисковым запросом. Понимаешь?

- Понимаю, Серфер растянул губы, пытаясь изобразить улыбку, я готов заплатить. Сколько?
 - Тыочем?
- О музыке сфер, конечно. Ты классно рекламируешь свой товар.

Улыбка сползла с лица Наташи.

— Я думаю, тебе лучше уйти, — сказала она, возвращаясь на свое место.

Серфер понял, что она нажала тревожную кнопку и скоро здесь появится служба охраны порядка. Вот и отлично, — подумал он, — все сразу и прояснится.

Он вышел на улицу и увидел две фигуры в голубой форме, которые быстро приближались к лавке со стороны перекрестка. И тут его посетила шальная мысль — это же иллюзия, так почему бы не позабавиться напоследок? Зато потом будет что вспомнить. Погоня!

Не слишком напрягаясь, он побежал по улице. Может, по крышам? — безумная идея на ходу расцветала новыми красками. — Как в настоящем боевике! Море адреналина, и главное — совершенно

безопасно. Пораниться ведь я здесь не смогу. Или все же смогу?

Серфер вспомнил об опытах с внушением и засомневался — насколько опасными могут быть стигматы? Есть ли у них верхний порог травматизма? Может ли он умереть внутри иллюзии? Уверенности не было, и он решил не испытывать судьбу.

Забежав за угол, Серфер слегка замедлил темп. Обернувшись, он увидел, как один из преследователей на бегу поднимает черный ручной сканер. Вот черт! — успел подумать Серфер. Браслет он оставил дома, но чип-то был в нем. А сканер брал чип на ручное управление. Ноги внезапно стали ватными, и Серфер мягко опустился на край тротуара. Веки отяжелели и закрылись, и он провалился в глубокий сон без сновидений.

Через несколько часов он очнулся в незнакомой комнате, освещенной неестественно белым светом. Запах тоже был не самым приятным, хотя и казался знакомым. Обстановка подчеркнуто скромная — кровать, тумбочка, стул, стенной шкаф. Серфер скосил глаза вверх — маркера не было.

СЕРФЕР, Тихая долина

15 лет 20 дней, утро

Прошло три дня, но с доктором Серфер так и не встретился. Он несколько раз обошел весь поселок, познакомился с барменом в баре, куда по утрам заходил выпить кофе, и с симпатичной официанткой в кафе на соседней улице. После завтрака он подолгу гулял в парке, кормил уток в пруду, нежился под мягким весенним солнцем. После обеда отправлялся бродить по пустынным улицам.

Уже на второй день, дважды обойдя свое новое пристанище, Серфер заметил странную вещь — ни одна из улиц не выходила за пределы поселка. Все они заканчивались тупиками, упираясь в какую-нибудь стену, дом или ангар. Серфер даже специально проследил за грузовичком, привозящим продукты в столовую санатория; но и тот скрылся в воротах ближайшего склада. Зона отдыха, пропитанная атмосферой всеобщего расслабления, таила много загадок.

Серфер спросил об этом у бармена, но тот отделался общими фразами. Что покидать поселок просто нет смысла — вокруг одни поля, а до ближайшего городка километров тридцать. Когда приходит время выписки, оттуда за отдыхающими приезжает такси. Это, конечно, тоже не могло быть

правдой. Как будто все тут сговорились и что-то от него скрывают. С какой целью — Серфер не представлял, но мысль о всеобщем тайном заговоре ему совсем не понравилась. Из нее следовало, что, возможно, у него действительно с головой не все в порядке. Сомнение в своей нормальности немного обнадеживало, но вряд ли оно могло что-то гарантировать. Он решил повременить с выводами и получше присмотреться к поселку и его обитателям.

Сойдя с тротуара, Серфер неспешно пошел по мостовой. Он уже убедился, что в поселке не было ни машин, ни мотоциклов, ни даже велосипедов — еще одна странность, замеченная им. Подобные несуразности встречались тут на каждом шагу, но в единую картину они никак не складывались. Возможно, опыты КуДзу все же что-то сделали с его психикой. А возможно, он до сих пор находится в какой-то версии исправленной реальности, в которой рискует зависнуть надолго, если ничего не предпримет.

Вдоль улицы располагался ряд аккуратных коттеджей, раскрашенных в веселые яркие цвета. Перед каждым был небольшой газон с летней скамьей и парой-тройкой кустов или деревьев. На некоторых скамейках сидели люди, подставляя лица весеннему солнцу. Редкие седые волосы, изрезанные морщинами лица — почти все жители коттеджей были людьми пожилыми, давно перешагнувшими

пенсионный возраст. Изредка попадались пары, но, судя по всему, местные предпочитали одиночество. Их лица, позы, невнятное бормотание казались Серферу какими-то неестественными, хотя в чем это проявлялось, он не смог бы сказать определенно. Просто было смутное ощущение какой-то скрытой неправильности происходящего — как и во всем этом странном поселке.

— Алешенька! — услышал Серфер чей-то сдавленный шепот.

Он оглянулся по сторонам — кроме него на улице никого не было. На тротуаре в кресле-каталке сидела худая старуха, протягивая к нему сухие сморщенные руки.

— Алешенька! Ну иди же ко мне!

Ее голос казался искусственным и оттого каким-то неприятным.

— Никакой я не Алешенька! — раздраженно бросил Серфер, непроизвольно ускоряя шаг.

Все-таки программа, — решил он. — Фактуры безупречны, детализация просто идеальная, полная иллюзия реала — но персонажи второго плана какие-то ненастоящие, и диалоги прописаны топорно. Баг на баге.

Он скосил глаза вверх. Маркера не было, но это еще ни о чем не говорило — КуДзу предупреждал, что к маркеру быстро привыкаешь, и потом уже не-

возможно его заметить. Интересно, — подумал Серфер, — если я все еще сижу в том кресле — сколько времени прошло в реале? Наверняка же здесь совсем по-другому чувствуешь время, иначе мне потребовалась бы полноценная система жизнеобеспечения.

Теперь надо было как-то сообщить КуДзу, что тест провалился, обман раскрыт и пора уже заканчивать опыт. Не сбавляя шага, Серфер поднял лицо к небу и довольно громко произнес:

— КуДзу, лагает твоя прога! Тут кругом одни психи!

Послышался сухой смешок. Серфер обернулся и увидел на ближайшей скамье высокого мужчину лет сорока, который в упор смотрел на него, даже не пытаясь сдержать смех.

- И что здесь смешного? недовольно спросил Серфер.
- Как что? Ты ходишь тут уже третий день, и только сейчас догадался.
 - Догадался о чем?
- Смешной ты. Сам же только что сказал, что вокруг одни психи.

Пазл в голове Серфера мгновенно сложился.

- Ты хочешь сказать, что этот поселок...
- Дурдом! радостно перебил его мужчина и снова рассмеялся. Видел бы ты свое лицо, парень! Да ты присаживайся.

Он слегка подвинулся, освобождая место. Серфер послушно сел рядом. Мужчина протянул ему руку.

— Будем знакомы. Меня зовут Роман.

15 лет 20 дней, день

Рассказ Романа почти ничего не добавил к той картине, которую дала Серферу первая вспышка мгновенного понимания. Действительно, весь поселок был одним большим домом скорби, где доживали свой век старики с угасающей психикой, в основном с сенильной деменцией и альцгеймером. Других диагнозов было заметно меньше, но всех жителей объединяло одно — никто не знал всей правды о своей болезни. Пациенты жили в коттеджах и считали себя просто пенсионерами на заслуженном отдыхе, а весь персонал, врачей и санитаров, принимали за продавщиц, поваров, официанток и прочих соцработников, чьи обязанности врачи успешно выполняли. Санаторий был промежуточным карантином, где осуществлялись первичная диагностика и отбор — на постоянное жительство в поселке оставляли только неизлечимых. Туда же переезжали и больные, потерявшие способность самостоятельно обслуживать себя.

Самым неприятным в этой истории было то, что диагностика, по словам Романа, могла затянуть-

ся и на месяцы; жизнь в поселке текла медленно и неспешно. Никто никуда не торопился. Услышав такой прогноз, Серфер ужаснулся. Похоже, он все-таки вернулся в реальность, и эта реальность повернулась к нему не лучшей стороной.

- Так беги отсюда, посоветовал Роман в ответ на его сетования.
 - Поймают же, возразил Серфер.
- Наоборот, именно этого от тебя и ждут. Это здесь вроде теста на нормальность. Пациента, сумевшего самостоятельно разобраться в здешних порядках и выбраться из поселка, можно считать здоровым. Во всяком случае, так было раньше. Хотя с тех пор здесь закрыли столько лазеек, что сбежать отсюда, наверное, сможет лишь настоящий псих.
 - Шутишь? не поверил Серфер.

Роман широко улыбнулся, обнажая крупные зубы.

— Может и шучу. Я ведь тоже пациент.

Это признание стало для Серфера полной неожиданностью. Хотя, казалось бы — все правильно, рабочий день, весь персонал на дежурстве, а пациенты нежатся на солнышке. Но все равно поверить было трудно. Слишком уж не похож был Роман на неизлечимого больного.

— А тебя-то за что? — спросил Серфер и тут же пожалел о своих словах. — Извини, если...

- Не извиняйся, перебил Роман, все нормально. Но это длинная история.
- Я никуда не тороплюсь, Серфер поудобнее устроился на скамейке и приготовился слушать.

POMAH

Позитив 72

Роман вышел из ведомственной столовой с приятной тяжестью в желудке. Солнце ударило в глаза, и он блаженно зажмурился. Лениво взглянул на браслет — позитив 72, время 15:37. Все как обычно, погрешность плюс-минус три минуты. Постоянство — признак совершенства, — привычно отметил он. Эта мысль всплывала в голове по нескольку раз в день, но удивляться тут было нечему — жизнь действительно была отлажена до автоматизма, и наглядным свидетельством тому были показания позитива, никогда не опускавшиеся ниже шестидесяти пяти.

Когда он входил в столовую, воздух был мутным, и солнце едва просвечивало сквозь сероватую пелену. Но пока он обедал, мгла успела рассеяться, и погода настойчиво требовала идти домой пешком. Действительно ли погода улучшилась, или это было действие дневной пилюли, принятой за обедом, Роман не знал; но его это и не волновало. Главное — сверкающий золотой свет, тепло на лице, легкий ветерок и буйная зелень ранней весны вокруг. Чувство блаженства, беспричинной радости и полноты жизни. Он бодро зашагал к дому, прислушиваясь к себе и радуясь ощущениям здорового крепкого тела.

На перекрестке он остановился, ожидая зеленого сигнала. Машин на дороге не было, но соблюдение формальных норм вошло у него в привычку еще с детства. За спиной послышалось бодрое цоканье каблучков. Какая-то девица в короткой юбке обогнала его и, не сбавляя темпа, пошла на красный. Классная попка! — оценил Роман, залюбовавшись фигуркой. Длинноногая, скорее спортивная, чем модельная — плечи были слегка широковаты, но в целом — очень даже привлекательная. Она шагала энергично и размашисто, весело вбивая каблучки в асфальт. Роман улыбнулся, но тут же вспомнил, что сейчас он в форме, а значит — при исполнении. Ничего не поделаешь — придется принимать меры.

— Девушка в синей юбке, немедленно вернитесь! Роман тут же мысленно обругал себя — «юбка» вырвалась у него совершенно неумышленно; на переходе кроме них никого не было, и любое уточнение было излишним. А его уточнение как раз недвусмысленно указывало, куда именно он только что смотрел. Но слово уже вылетело, и поправляться было бы совсем нелепо.

Девушка резко развернулась и подошла к нему, улыбаясь во весь рот — его внимание к определенной части тела явно не осталось незамеченным и, конечно же, было расценено правильно. Вот и вы-

путывайся теперь, — подумал Роман, разглядывая нарушительницу. Она была молода и довольно привлекательна, котя и не совсем попадала в общепринятые стандарты красоты. Короткие волосы неестественно красного цвета торчали в разные стороны то ли в естественном беспорядке, то ли в тщательно продуманной композиции — сразу и не определишь. Широко распахнутые глаза смотрели на него с веселым вызовом. Рот, пожалуй, был немного великоват, что делало улыбку чрезвычайно заразительной. Роман невольно улыбнулся в ответ.

- Офицер? спросила девушка.
- Роман Кравцов, козырнул он, нарушаем?
- Сима, протянула она руку с пестрой кожаной фенечкой на запястье.

Роман смущенно взял тонкую прохладную ладонь и слегка тряхнул. Разговор выходил каким-то неправильным, он все время чувствовал себя идиотом, теряющим инициативу.

- Сима, ты шла на красный...
- Не обратила внимания, все так же улыбаясь, ответила она.
 - Это нарушение...

Девушка взглянула на него с интересом:

— Офицер, хотите меня наказать?

Видимо, это было какой-то цитатой, но Роман не помнил откуда. Зато понял, что же сковывало его

все это время. Он говорил с позиций представителя власти — то есть доминанта и инициатора. Но при этом его тянуло к Симе сексуально, а по положениям о сексуальном домогательстве мужчина не имел права быть инициатором отношений с женщиной. Он мог лишь ожидать от нее какого-то явного и недвусмысленного сигнала.

И вот, кажется, он получил этот сигнал. Такое с ним случалось нередко — хотя и не так часто, как хотелось бы. К тому же даже самый ясный сигнал никогда ничего не гарантировал — женщина могла просто забавляться своей игрой, а в последнюю минуту сказать: «Ну, все, пока!». Такое тоже бывало, и эти воспоминания уверенности не прибавляли. Но попробовать, конечно, стоило.

— Ты должна прослушать курс правил дорожного движения для пешеходов, глава пятая, переход через регулируемый перекресток, — строго начал он, но тут же понял, что перегибает, и быстро добавил, — это недолго, не больше пяти минут. Где тебе будет удобно?

Позитив 76

- Офицер... начала Сима.
- Роман, поправил он.
- Симка! девушка слегка наклонила голову набок, оценивающе разглядывая его. Но мы

ведь, кажется, уже знакомы? Роман, давай просто присядем где-нибудь и поболтаем. А насчет нарушения я уже все поняла — если переходить на красный, можно познакомиться с симпатичным молодым мужчиной.

Она широко улыбнулась, и Роман вновь почувствовал смущение. Как же легко женщины стали перехватывать инициативу; и даже его форма здесь нисколько не помогала. Он сделал еще одну попытку:

- Сима, но ты нарушила...
- Я все поняла и буду хорошей девочкой! она театрально хлопнула ресницами и улыбнулась еще шире. Пойдем, что мы тут стоим.

Симка уверенно сжала его локоть и повлекла за собой. Издевается, — подумал Роман. — Они всегда издеваются, пока молоды. И ничего-то тут не поделаешь. Внезапно Симка остановилась и внимательно посмотрела на него.

— Роман! — объявила она с преувеличенной торжественностью, — а ведь ты спас мне жизнь! Теперь я просто обязана пригласить тебя на чашку чая. Ты же не откажешься?

— Нет.

Роману не нравилась ее напускная театральность, да и шансов, что все срастется и дойдет до секса, было немного — наверное, где-то один к трем. Скорее это будет еще одной маленькой

женской местью за его неловкое вмешательство, и все закончится неуместной эрекцией и поцелуем в щечку на прощанье. Но деваться некуда; время сейчас такое, что и один к трем — весьма неплохой шанс. Стоило попробовать.

Несмотря на его опасения, все срослось, и оказалось даже проще, чем он ожидал. Хотя, если вдуматься — ничего странного. Симка прекрасно знала, что ей нужно, и он мог дать ей это. Удивило, что она захотела продолжить отношения — на что он, конечно, с радостью согласился. Секс это дополнительный позитив, а от позитива никто не отказывается. Длительные отношения вели к привязанности и массе проблем; у него уже был неприятный опыт по этой части. Но первые месяцы эйфории искупали все.

И Роман с головой окунулся в эту эйфорию. Два месяца пролетели как один день; ни ссор, ни споров, ни противоречий. Медовый период чистой сексуальной гармонии.

Позитив 88

Роман блаженно откинулся на спину и автоматически бросил взгляд на браслет — экран с двумя восьмерками мигнул и показал 87. Ничего себе! Значение не то чтобы запредельное, но, безусловно, выдающееся — последний раз такое было с ним лет пять назад.

- Интересно, а можно поднять позитив выше девяноста? спросил он.
- Обычными методами нет, ответила Симка. Когда счастья становится слишком много, мозг блокирует дофаминовые цепочки.
 - А необычными?
- В принципе, опиаты снимают блокировку; только там столько всяких побочных, что врагу не пожелаешь. Но добровольно уходящих из жизни это устраивает. Ты видел когда-нибудь улыбку эвтаназа?
 - Нет.
 - И хорошо. Жуткое зрелище.

Какое-то время они лежали молча. Это молчание всегда немного напрягало Романа, и он вновь заговорил:

- A все же интересно было бы узнать, что там, ближе к сотке...
- Тебе что, чего-то сейчас не хватает? спросила Симка с притворной обидой.
- Нет, что ты! Все прекрасно! торопливо заверил ее Роман. Просто интересно, от чего же нас так предохраняют.
- От того, с чего потом не слезешь, отрезала Симка.

Она слегка повернула голову, скосила на него темные глаза и добавила:

— Есть вещи и поинтереснее.

- Например?
- Ты никогда не хотел увидеть мир таким, каков он есть на самом деле?
- Зачем? Там ведь все то же самое, только скучнее и мрачнее. Мы для того и глотаем пилюли, чтоб жизнь не слишком напрягала.
- Не-ет, покачала головой Симка, ты их принимаешь, чтобы быть лояльным гражданином Федерации. А твои эмоции лишь побочный эффект твоей лояльности.
 - Это как? не понял Роман.
- С материальной стороны эмоции это гормональный коктейль, чистая биохимия. А наши вживленные чипы здоровья совершенные химические нанолаборатории, постоянно отслеживающие гормональный фон. Но передатчик там слабенький, он может связаться только с браслетом здоровья. Вот браслет он и есть настоящий интерфейс, связывающий всех нас с серверами минздрава. Чип следит, чтобы уровень позитива не опускался ниже шестидесяти пяти. Если он падает, минздрав рассчитывает корректирующий рецепт для нашего коктейля, и мы получаем соответствующую пилюлю.
- Так эти капсулы все время разные? А я думал, там обычные стимуляторы и антидепрессанты.
- Разумеется, разные. Рецепт каждый раз рассчитывается специально для тебя и специаль-

но для данного момента. Секрет в том, что глотать пилюли — не просто твоя потребность, но и твоя обязанность. Если минздрав получит сигнал, что твой позитив опустился ниже шестидесяти, тебя вызовут на обследование, поставят на учет, а если потребуется — будут лечить принудительно. Федерации не нужны недовольные.

- Да кто же по своей воле откажется от позитива! усмехнулся Роман. Дураков нет.
- Я отказалась, Симка посмотрела ему прямо в глаза. Дура, наверное.
 - Но зачем?!

Симка немного помолчала, давая ему время собраться с мыслями.

- Упрямство, видимо. Честность перед собой. Но не только. Понимаешь, позитивный человек совершенно беззащитен перед реальностью. Позитив всегда искажает восприятие. Ты можешь с удовольствием съесть тухлятину, считая ее изысканным деликатесом. Можешь обмануть мозг но желудок ты не обманешь; он-то на все отреагирует правильно. Все отрицательные эмоции, которые ты искусственно гасишь, в норме должны защищать тебя. Боль это...
- Охранный пес здоровья, продолжил Роман, знаю, еще в школе проходили. Но боль была необходима, когда мир был непредсказуем

и опасен; а сейчас в нем нечего бояться. В столовой не могут дать тухлятину, там же комплексная проверка по всем параметрам. Мир стал совершенен, и боль нам больше не нужна.

- Так говорили в эпоху великих открытий, возразила Симка, но с тех пор многое изменилось. Больших открытий давно уже не делают ты заметил? И мир в последнее время... несколько обветшал.
- Но не настолько же! Ты ведь не думаешь, что тебя могут отравить?!

Симка презрительно фыркнула.

- Реальность сильно испортилась. Настолько, что ее восприятие нужно исправлять химическим позитивом. Но это только для среднего класса. У вип-класса браслеты настроены на совсем другие пороги, випы могут наслаждаться неискаженной реальностью. Хочешь узнать, каково это?
- Ты предлагаешь мне перепрошить чип здоровья?! Роман почувствовал холодный пот на спине. Да ты вообще представляешь, чем это может грозить? Малейшая ошибка в коде и тапки в угол! Программы чипа отлаживают и тестируют годами, там одних защит с десяток уровней. Вся академия минздрава этим занимается, а ты...
- Разумеется, нет, перебила его Симка. Никто в твой чип лезть не собирается. Я предлагаю

перепрошить только интерфейс. Браслет. И не самодельной прогой, а стандартной, от минздрава. Но прошивкой для вип-класса, со сдвинутыми тревожными порогами. Тебе просто перестанут корректировать позитив, и не более того.

— Предлагаешь мне стать випом? — усмехнулся Роман.

Ну да. Вкусите от древа познания — и станете как боги.

— О, боги, боги! — протянул Роман, притягивая Симку к себе. — Но сейчас я хочу вкусить от древа наслаждений.

Позитив 77

Роман торопливо одевался, собираясь на работу; Симка порхала вокруг, накинув одну из его рубашек. Никакой необходимости в этом не было; видимо, она просто знала, как мило выглядит в мужской одежде не по размеру. Опыт, — подумал Роман, и это почему-то больно кольнуло. Симка продолжала вчерашний разговор:

— Там все элементарно! — она сняла браслет и постучала ногтем по нижней крышке. — Снимаешь панельку, подсоединяешь кабель — и вперед, в новую жизнь.

— Не хочу я ни в какую новую жизнь, меня и эта устраивает, — отмахнулся Роман.

- Ты просто попробуй, настаивала Симка. Походишь недельку, присмотришься, что к чему. А не понравится перепрошьем все обратно.
- Симка, отстань! Роман застегнул ремень и бегло взглянул в зеркало. Все, пора на работу.
 - Вечером зайдешь? спросила она.

Роман кивнул.

- Хочу познакомить тебя со своими. Хоть посмотришь на людей с непромытыми мозгами.
- Слушай, давай не будем... начал Роман, но Симка встала на цыпочки и поцеловала его в губы, не дав закончить фразу.
- Будем-будем, шепнула она, прижимаясь щекой к его щеке. До вечера.
 - До вечера, повторил он.

Знакомиться с кем-то ему совсем не хотелось; на вечер у него были другие планы. Кроме того, Роман подозревал, что друзья у Симки сплошь технари, и ему вряд ли будет с ними комфортно. Наверняка кто-то из них имел на нее виды — значит, будет и какая-то скрытая агрессия, а возможно и испорченный вечер. Но отказать Симке он не мог. Боялся спугнуть так удачно сложившиеся отношения.

Поэтому после смены ему пришлось снимать форму и влезать в джинсы. Симку его форма, похоже, даже немного заводила; но ее друзей, скорее всего, она бы не обрадовала. Молодежь всегда недолюбли-

вала службу охраны порядка. А в том, что на вечеринке будет молодняк, Роман почти не сомневался. Друзья по универу, кто же еще; и он наверняка будет там самым возрастным — еще один повод почувствовать свою чужеродность спаянному коллективу.

Настроение было подпорчено заранее, но все прошло на удивление гладко. Компания подобралась разнородная и разновозрастная, а главное — Роман не чувствовал излишнего внимания к себе, что его вполне устраивало. Симка познакомила его с Ильей, которого представила как друга детства. Они выпили по паре коктейлей и обсудили последний игровой движок, даже поспорили немного. Химия сразу ударила в мозг, сделав вечер ярче и приятнее. Но, пожалуй, еще сильнее действовало предвкушение подступающей ночи, которую Роман надеялся провести гораздо интереснее.

На какое-то время Симка оставила их, но вскоре вернулась — радостная и слегка возбужденная. Приобняв Романа за плечи, она прошептала ему в ухо:

- Ты все еще хочешь узнать, какие ощущения там, около сотни?
- Это было бы интересно, сдержанно ответил он.
 - Илья может устроить.

Роман мгновенно напрягся.

— Ты про опиаты?

- Нет, что ты! рассмеялась Симка. Как только тебе такое в голову пришло! Нет, Илья просто немного пощекочет твои дофаминовые цепочки. Триумф биотехнологий и никакого криминала!
 - А последствия?
- Какие последствия? Ты же видишь я в норме. Мы все уже это пробовали, да мы и собрались сегодня только ради этого. Услышать музыку сфер. Присоединишься?

Роману всегда хотелось испытать чистое счастье, но он все еще колебался.

- От меня ведь что-то потребуется, верно?
- Разумеется, просияла Симка, поняв, что это уже практически согласие. Надо будет перепрошить браслет. Если не отключить пороги срабатывания, минздрав сразу поймет, что здесь кто-то круто его обошел. И пришлет сюда свою конницу.

Картина возможных последствий мгновенно отрезвила Романа.

— Знаешь, я лучше пока воздержусь.

Но он уже знал, что согласится. Просто сработала многолетняя привычка брать паузу перед принятием серьезных решений.

Позитив 63

Он согласился уже на следующий день. Бессонная ночь порядком вымотала, и продлевать

этот кошмар не было никакого желания. Трудно выспаться, если мысли ходят кругами и постоянно возвращаются к одной теме. Хотелось вырваться из этого бесконечного цикла. Хотя, конечно, испытать запороговое счастье хотелось еще сильнее. Поэтому когда вечером Симка завела очередной разговор, Роман уже был к нему готов.

- Хорошо, давай попробуем, ответил он как бы нехотя.
- Тогда зайди завтра к Илье, я его предупрежу. Адрес найдешь?
 - Найду. А ты что, со мной не пойдешь?
 - Не могу, дела. Да ты не бойся, там все просто.
 - Я и не боюсь.

Симка, видимо, уловила обиду в его голосе, и это ее развеселило.

- Ромка, ты иногда такой смешной! Но там и правда бояться нечего, от этого еще никто не умирал.
 - И на том спасибо! буркнул он.

Было, конечно, обидно, что Симка не захотела пойти с ним. Но с другой стороны, не хотелось попасть в смешное положение у нее на глазах, а это, скорее всего, и случилось бы. Так что, возможно, все было к лучшему.

С таким настроением он и пришел к Илье. После вчерашней вечеринки тот выглядел усталым и по-

мятым; впрочем, вряд ли Роман сегодня выглядел лучше. Они обменялись краткими приветствиями, потом Илья провел его в комнату и уточнил:

- Симка сказала, ты хочешь отключить пороги срабатывания?
 - Я хочу испытать максимальный позитив.

Илья усмехнулся.

- Это само собой. Наши любят потрендеть о честности перед собой и прочей лабуде, но в итоге каждый раз все сводится к чистому позитиву.
 - Именно так, подтвердил Роман.
 - Хорошо, подвел итог Илья, тогда начнем.

Он отвернулся к консоли, ввел несколько команд и вновь повернулся к Роману:

- Не передумал?
- Нет. Авторизация нужна?
- Не суетись, все схвачено.

Илья протянул руку и, не глядя, нажал какую-то клавишу.

- Вот, собственно, и все.
- Как все? не поверил Роман. А Симка говорила, нужен кабель...

Илья посмотрел на него с едва скрываемым снисходительным сочувствием.

— Какой кабель? Ты в каком веке живешь? А Симка... Симка тебе еще и не такого напоет, у этих гуманитариев все через... через кабель.

Роман закрыл глаза и прислушался к себе. Никаких изменений в ощущениях он не заметил. Хотя, конечно, так и должно быть — изменения он почувствует, когда позитив начнет меняться, а его вовремя не скорректируют.

- Симка обещала максимальную эйфорию. Когда начнем? жадно спросил он.
- Я бы рекомендовал где-то через неделю, ответил Илья, когда показатели снизятся. На контрасте впечатления будут ярче.
- Ерунда! отрезал Роман. Позитив он всегда позитив. Там, где есть количественные показатели, эта байда не катит.

Чувство, что его хотят обмануть, внезапно усилилось; и хотя Илья, возможно, и был прав, перспектива отложить опыт на целую неделю показалась Роману совершенно невыносимой. Видимо, вид у него был грозный, потому что спорить Илья не стал.

- Как хочешь. Только присядь сначала, в ногах правды нет.
 - Это обязательно?
 - Желательно.

Роман сел в кресло, прикрыл глаза и расслабился. Илья продолжал возиться со своими приборами. Наконец он произнес:

— Нет, сегодня все же не получится. У тебя гормональный фон неблагоприятный.

- Ав чем проблема?
- Много агрессии. Придется гасить тестостерон и норадреналин, а это сильно смажет эффект. Если хочешь выйти на максимум, приходи через неделю. Услышишь истинную музыку сфер. Поверь, я не первый день этим занимаюсь.

Роман резко встал. Про агрессию Илья попал в самую точку — она уже переполняла. От слов про неблагоприятный фон так и веяло дешевой разводкой. На какой-то миг ему даже захотелось отказаться от опыта и потребовать вернуть все обратно, но Роман подавил этот порыв, решив довести дело до конца. Ладно, недельку перетерплю, — успокоил он себя, — зато потом никаких сомнений не останется.

Позитив 49

Прошло три дня. Настроение было хуже некуда, все вокруг цепляло и раздражало. Привычные вещи казались какими-то неправильными и убогими, как будто их подменили. Как будто на гладко отполированной поверхности мира внезапно появились ранящие сколы и заусенцы. Роман надеялся, что Симка могла бы сгладить эти болезненные ощущения, но ее, как назло, в эти дни не было в городе. Она улетела на свадьбу к сестре и должна была вернуться лишь к концу недели.

Ожидание становилось все невыносимее; воздух, пища, погода — вся жизнь сделалась отвратительной до омерзения. Роман вышел в сеть и нашел гостиницу, где остановилась Симка. Запросил оптимальный маршрут и тут же, не раздумывая, заказал билет на самолет и такси до аэропорта.

Маясь в зале ожидания и поминутно поглядывая на часы, он вдруг поймал себя на мысли, что безжалостно торопит время. Что привычное «здесь и сейчас», где ему всегда было так легко и комфортно, теперь вызывает лишь одно желание — скорей бы это закончилось. Роман в очередной раз пообещал себе, что сразу после максимального позитива он заставит Илью вернуть все настройки обратно. И если тот опять начнет выдумывать что-то про неблагоприятный фон — пусть пеняет на себя.

До гостиницы ему удалось добраться только ночью. Симка открыла дверь, и Роман шагнул в сумрак ее номера. Руки заскользили привычным маршрутом, но мерзкая сосущая пустота внутри никак не хотела успокаиваться. Он вошел в Симку жадно и быстро, не думая об удовольствии, с одним лишь желанием — хоть чем-то заполнить эту зудящую пустоту. С последними содроганиями его немного отпустило, и он обессиленно откинулся на спину. Единственным его желанием было сразу заснуть,

провалиться в глухое темное безвременье. Но Симка не могла успокоиться и говорила, не переставая.

— Как здорово, что ты приехал! Значит, я все же тебе небезразлична... Мы с тобой... У нас...

До Романа долетали лишь обрывки фраз. Периодически он отключался, исчезал в темных водах, то выныривая в явь, то снова растворяясь в небытии. А Симка все продолжала шептать что-то ему в ухо.

— Как хорошо, что ты теперь с нами! Ты даже не представляешь, как ты нам нужен! Без тебя у нас ничего не получится... Ты один сможешь...

Роман слушал ее урывками, но смысл сказанного постепенно доходил до него. Как сотрудник службы охраны он может зайти в центральное здание Комитета и добраться до хранилищ. А как вип с отключенными порогами он сможет пройти сканирование на входе в серверную. Только зачем? Серверная техника для него — темный лес; что он может там сделать? Разве что сломать... Сломать?!

Сна уже не было ни в одном глазу. Роман открыл глаза и повернулся к Симке. Полная луна освещала ее лицо ровным неживым светом. Он увидел несвежую кожу с воронками былых прыщей, торчащий из носа волосок, намечающийся второй подбородок. Попка! — в отчаянии вспомнил Роман, — у нее же идеальная попка!

Он потянулся, чтобы погладить упругую плоть, но тут же отдернул руку, представив, что наткнется на целлюлит или жировую складку. Это было невыносимо. Роман вскочил и начал быстро одеваться.

— Извини, мне пора. С утра на смену, — выдавил он, не глядя на Симку.

Она молча смотрела на него. Наспех одевшись, Роман вылетел из номера. Больше они не виделись.

СЕРФЕР, Тихая долина

15 лет 20 дней, день

Роман закончил рассказ и умолк, видимо, погрузившись в далекие воспоминания. Молчание затянулось. Не дождавшись продолжения, Серфер спросил:

- А что дальше?
- Ничего. Раздавил браслет и заменил на новый.
 - Но здесь-то ты почему?

Роман невесело усмехнулся.

- Проблемы с тестированием реальности. Иногда я начинаю сомневаться действительно ли то, что я вижу и чувствую, на самом деле таково. И не понимаю, что тогда за всем этим может стоять. Не самые приятные переживания, поверь мне. А здесь все сомнения быстро купируют подкрутят позитив, и мир снова ясен.
 - И давно ты здесь?
- Не знаю, не считал. Лет пятнадцать, наверное. Плюс-минус.

Серфера будто током ударило. Во рту мгновенно пересохло, и он спросил тихим чужим голосом:

- Или шестнадцать?
- Может и шестнадцать, согласился Роман, я же говорю, не считал.

- A чего они хотели, эти ребята? Им нужна была перезагрузка?
- Что? не понял Роман. Какая перезагрузка? Не знаю, что они там хотели, но они явно нарвались не на того парня.

Чем была перезагрузка, Серфер и сам представлял довольно смутно. Он знал лишь, что отцу с друзьями удалось ее осуществить еще до его рождения. Но, похоже, шестнадцать лет назад эта идея витала в воздухе, и многие пытались ее претворить. Серфер решил, что как только доберется до дома, обязательно расспросит об этом КуДзу. Роман явно был не в курсе; но к нему тоже были вопросы.

- Скажи, ты никогда не пытался сбежать отсюда?
- Зачем? удивился Роман. Мне и здесь нравится.
- A мне не нравится, не сдержался Серфер, скучновато тут у вас.
- И скучно, и противно, но очень позитивно! лицо Романа растянулось в довольной улыбке. У меня здесь доппаек по позитиву, а больше мне ничего не надо.
- И ты не знаешь ни одной лазейки? Может, слышал что-то?
- Нет, ответил Роман, не слышал. На моей памяти этот квест еще никто не проходил.

15 лет 23 дня, утро

Возможно, про тест Роман что-то недопонял или даже приврал. Тут Серфер не мог ему верить. Возможно, сейчас самым правильным выходом для него было простое ожидание, демонстрация расслабленного спокойствия. Но шел уже седьмой день, а врач так и не появился. И дежурная сестра тоже не давала никаких прогнозов. Поселок уже успел надоесть до чертиков, а отсутствие сети ощущалось почти физически, напоминая о себе постоянной ломкой. Серфер подозревал, что искусственная инфодепривация могла входить в арсенал психодиагностики; но испытывать ее на себе было невыносимо. Если это тест, то он его провалил. Пора было покидать это место, и как можно скорее.

Но как? Устроить скандал, потребовав немедленной выписки? Это, наверное, было бы худшим вариантом, лишь подтверждающим его ненормальность. Простейшее решение напрашивалось само — спрятаться в фургоне, привозившем продукты в столовую санатория. Но простейшее решение было и самым предсказуемым. Наверняка в выездных шлюзах проверяли весь транспорт, все же поселок был закрытой зоной. А позволить поймать себя Серфер не мог. Если он не ошибся (а он очень на это надеялся), слежение здесь велось весьма фор-

мально; жизнь поселка и без того была предельно прозрачной. Но если он попадется на побеге, следить за ним начнут уже в другом режиме, и тогда ему вряд ли удастся осуществить свое намерение.

Сколько Серфер ни бился, никакого разумного плана он придумать не мог. Видимо, Роман был прав — здесь, чтобы доказать, что ты не сумасшедший, надо быть настоящим психом. А потому выбирать, наверное, придется самый худший вариант.

Вот только решившись пойти внаглую — что он сможет предъявить? Имитировать эпилепсию или сердечный приступ? Но медсестра поверит не тому, что увидит, а показаниям с чипа здоровья — их на это специально натаскивают. Да если даже и поверит — оборудования санатория наверняка хватит, чтобы обслужить любой его спектакль. Рассчитывать на экстренную эвакуацию можно было лишь при реальной угрозе жизни, а идти на такой риск он точно не был готов.

Не было под рукой и привычного инструментария, помогающего решать текущие проблемы. Не было сети, не было компов, не было даже телефона, который с детства воспринимался чуть ли не как часть тела и без которого он чувствовал себя голым и совершенно беспомощным.

Впрочем, кое-что все же было. В игровом зале санатория Серфер нашел несколько древних игро-

вых приставок, одну из которых его класс недавно препарировал на уроке информатики. У нее имелась недекларированная «задняя дверь» — если включить питание, удерживая две крайние кнопки, можно было выйти не в игровое меню, а прямо в операционку. Конечно, кодить с виртуальной клавиатуры — сущий ад, но это все же лучше, чем ничего. К тому же в системе была неплохая динамическая библиотека, что делало возможным написание вполне работоспособной программы. По крайней мере, он уже мог подключиться к своему браслету. Если бы он смог подключиться еще и к рабочему месту дежурной сестры, проблем было бы куда меньше. Но на это, к сожалению, его умений явно не хватало.

15 лет 24 дня, день

Все утро Серфер бесцельно бродил по улицам поселка, не замечая ничего вокруг. Он строил планы побега и тут же отметал их как нереальные. Он надеялся, что вот-вот его посетит какая-то гениальная идея — но в голову ничего не приходило. Оставалось надеяться лишь на лучшее из худшего — на то, что осталось после выбраковки самых нелепых вариантов.

Серфер уже знал, что предъявит системе контроля здоровья. Роман, с присущим ему странным

юмором, называл такое состояние маниакально-депрессивным приходом; это был его привычный образ жизни. С утра и до обеда он был вполне нормален, но затем его позитив начинал неуклонно падать, и к ужину он уже места себе не находил. Зато после ужина впадал в эйфорию и напрочь отключался от внешнего мира. Эту структуру Серфер и скопировал, приблизительно подогнав ее под свои показатели.

Ждать дальше не имело смысла. После утренней прогулки он пожаловался дежурной сестре на плохое настроение, а после обеда уединился в игровой комнате. Выбрал монитор, загрузил приставку, подключился к браслету. Заменил структуру позитива и отключил геолокацию. Это не должно было вызвать подозрений — на падение позитива сестра обратит внимание лишь после того, как получит сигнал о пересечении тревожного порога. Отсутствие геолокации тоже не было поводом для тревоги — если здание экранировало сигналы спутников, система просто считала, что приемник находится в точке последней локации.

Чтобы убить время, Серфер запустил какую-то древнюю бродилку, в которой запутался уже на третьем уровне. Но он упорно продолжал скитаться по странному средневековому лабиринту, собирая непонятные артефакты и постоянно отслеживая

медленно тающее значение позитива. Когда отметка опустилась ниже шестидесяти, он вновь включил геолокацию, но уже со смещением. Серфер так и не смог определить свое местоположение, поэтому просто задал сдвиг на пять километров к востоку, надеясь, что это место не окажется озером или закрытой зоной. Затем отключил приставку, прошел в ординаторскую, всегда пустующую в это время, и уселся перед экраном общего оповещения. Вскоре на табло появилось сообщение, которого он ждал: «Врачам оперативной группы приготовиться к выезду. Сбор через сорок минут в подземном гараже. Не забудьте получить препарат в автомате раздачи». Серфер снял с вешалки белый халат, спрятал его за пазуху и пошел к служебному выходу.

Он представил, как знакомая симпатичная официантка, получив сообщение, снимает форменный фартук, стирает с лица улыбку и направляется к санаторию; как бармен закрывает свой бар и присоединяется к ней. Хотя для таких фантазий у него не было никаких оснований — возможно, врачи оперативной группы сейчас работают в другой части поселка. В любом случае, сорок минут — прекрасная фора. Лишь бы только машина была на месте.

Серфер открыл дверь и вошел в подземный гараж. Ему повезло — красно-белый санитарный фургон уже ожидал пассажиров. Он надел халат,

сел на переднее сиденье и посмотрел на экран приборной панели. В навигатор уже были загружены координаты его ложной локации.

— Поехали! — скомандовал Серфер, и машина тронулась.

Через несколько минут она притормозила у ближайшего шлюза. Металлические створки раздвинулись, и Серфер непроизвольно напрягся.

— Включи мигалку! — приказал он.

Мигая проблесковым маячком, фургон медленно въехал в пустой шлюз. За спиной с лязгом сомкнулись створки ворот, и у Серфера противно заныло где-то под грудиной. Он понимал, что не пройдет и самую примитивную проверку.

Но к его удивлению, машина даже не успела остановиться. Раздался знакомый лязг, и внешние ворота открылись. Видимо, выезд дежурной бригады был уже согласован и внесен в план. Определенно, ему сегодня везло. Машина выехала на трассу и плавно набрала скорость. Серфер приказал автопилоту выключить мигалку и увеличил карту на навигаторе. Маршрут вел в распаханные поля, просматриваемые до самого горизонта. Не лучший вариант, но менять что-то было уже поздно. Серфер ткнул пальцем в центральную площадь ближайшего городка и задал новый пункт назначения. Остановился он только раз, у моста. Снял браслет и,

широко размахнувшись, бросил его в речку. Вслед за браслетом полетел и халат.

Доехав до центральной площади, Серфер приказал автопилоту вернуться к началу маршрута. Вряд ли можно было надеяться, что никто ничего не заметит; но для него сейчас любой выигрыш во времени мог стать решающим.

Городок был свеж и прозрачен. Серфер подумал, что хорошо было бы как-нибудь вернуться сюда, неспешно побродить по тихим улочкам, посидеть в кафешке в тени старых лип. Но сейчас, конечно, об этом не стоило даже мечтать. Он сел в первое же такси и назвал адрес.

СЕРФЕР, город

15 лет 24 дня, день

Такси остановилось в глухом переулке неподалеку от дома КуДзу. Серфер отстегнул ремень безопасности и выбрал режим «ожидание». Автопилот запросил подтверждение, предупредив, что режим не оптимален — что будет выгоднее завершить маршрут и вызвать другую машину, когда потребуется. Серфер подтвердил команду. Расплатиться все равно было нечем — браслета у него не было, а если б даже и был, он не рискнул бы им воспользоваться. Опустив голову и пряча лицо под козырьком бейсболки, он вышел на улицу. Проходить мимо музыкальной лавки совсем не хотелось, и Серфер пошел кружным путем, стараясь держаться подальше от камер наблюдения. Вскоре он уже стоял перед удивленным КуДзу.

- Пашка?! Ты как здесь?
- Убежал, коротко ответил Серфер, ты же знаешь, где я был?
- Естественно. Маша в тот же день нагрянула, такой концерт здесь устроила...

Серфер мгновенно напрягся.

- И что теперь? Мне больше сюда не приходить?
- Да что с тобой сегодня? Приходи когда захочешь, я всегда тебе рад.

- Но тульпы больше не будет?
- Будет тебе тульпа, не волнуйся, усмехнулся КуДзу.
 - Почему?! вырвалось у Серфера.

Еще не успев договорить, он понял, что ждал ответа «нет», и его «почему» относилось именно к этому «нет». Хотя и к «да» оно тоже вполне подходило.

- Почему ты так много делаешь для меня? Зачем тебе это?
- В память о твоем отце. Он был моим другом. И одним из создателей нашего проекта.

Серферу показалось, что КуДзу на секунду замешкался, задержавшись с ответом. Впрочем, возможно, лишь показалось.

15 лет 24 дня, день

- Ты голодный? спросил КуДзу, когда они прошли на кухню.
 - Нет, ответил Серфер.

Он действительно не чувствовал голода, хотя времени с обеда прошло достаточно.

— Понятно, — кивнул КуДзу, — адреналин и тестостерон. Ну, давай хоть теинчиком полирнем.

Он разлил чай по кружкам и посмотрел на Серфера.

— А зачем убежал-то? Почему не вышел легально, через комиссию?

— Не было там никакой комиссии, — мрачно ответил Серфер. — Но один человек мне сказал, что надо сбежать, что это у них такой тест на нормальность.

- Пациент сказал? уточнил КуДзу.
- Папиент.
- А ты поверил?
- Да я вообще не знал, чему там верить! Я иногда даже думал, что все еще сижу здесь, в твоем кресле.
- Ну, на этот счет не стоило сомневаться, успокоил его КуДзу, наша игра идет только в реальном времени. В исправленную реальность можно нырнуть лишь на несколько часов насколько позволят естественные потребности. А вот пациенту я бы на твоем месте верить не стал.

Серфер промолчал. Сейчас ему и самому это казалось совершенной глупостью; он не понимал, как мог повестись на байки Романа.

— Ладно, чего уж теперь жалеть, — примирительно сказал КуДзу, — честно говоря, я ведь чего-то такого от тебя и ждал. Ты же весь в отца, та же порода. И у тебя, наверное, накопилось много вопросов?

— Да!

Вопросов действительно было множество, и Серфер на миг запнулся, не зная, с какого начать. Вспомнив Романа, он спросил:

— Чем на самом деле была перезагрузка?

КуДзу поднес кружку к губам и сделал несколько неторопливых глотков.

— Сегодня про это предпочитают не вспоминать. Но двадцать лет назад мир был совсем другим. Комитет тогда ввел много новых правил в Моральный Кодекс. Считалось, что все они гуманны и логичны; но это было ложью. Избежать нарушений было невозможно в принципе, настолько новые правила были взаимно противоречивы. Одновременно в головы заливалось убеждение, что все моральные нормы сами по себе прекрасны и естественны, а их нарушение грешно и преступно. И любой нарушитель, соответственно — грешник и преступник. К тому времени система тотальной слежки была уже доведена до совершенства. Люди постоянно что-то нарушали, а система это отслеживала и сохраняла всю историю в своих базах. И каждый знал — в любой момент его могут привлечь, поднять логи личного дела и вывалить груду грязного белья на всеобщее обозрение. Начались нервные срывы, сначала одиночные, а потом включилась индукция и пошла настоящая эпидемия.

- Индукция? переспросил Серфер.
- Психическая индукция, пояснил КуДзу, взаимовлияние. Действует как настоящее психическое заражение. Страшная сила, между прочим. В прежние времена в закрытых пансионатах у де-

вушек даже месячные начинались одновременно, не говоря уж об истериках. Но мы отвлеклись. Когда число нервных расстройств приблизилось к критическому уровню, общество оказалось на грани катастрофы. Проблему надо было решать быстро и радикально. Твой отец предложил стереть базы и полностью обнулить списки грехов. Начать все с чистого листа. И нам это удалось. Хотя сама информация сохранилась, конечно. Но люди поверили, что все базы стерты и все прошлые грехи отпущены — а это и было целью перезагрузки.

Примерно так Серфер это себе и представлял. И все же что-то здесь не связывалось.

- Но если проблему решает только обнуление, его пришлось бы периодически повторять. А перезагрузка, насколько я знаю, была всего одна.
- Одна, согласился КуДзу. Я же говорю мир изменился. Теперь не нужны даже списки грехов, теперь преступными стали сами свойства человеческой натуры. Мысли, намерения, влечения.
- Но это же абсурд! не поверил Серфер. Как можно карать за мысли?

КуДзу посмотрел на него со снисходительностью взрослого, вынужденного объяснять ребенку самые элементарные вещи.

— Ну, например — ты представлял когда-нибудь своих одноклассниц голыми? Серфер покраснел и промолчал.

- А теперь подумай, как это можно квалифицировать согласно Моральному Кодексу. Прикинул?
 - Но это же... Только в голове! начал Серфер.
- А голова-то прозрачная!—закончил КуДзу.— Это тоже старая история. Когда-то в одной части света гомосексуалистов всячески опекали, а в другой преследовали и могли даже приговорить к смерти. И они, естественно, стали бежать оттуда, где им плохо, туда, где хорошо. Но чтобы получить статус беженца, им надо было доказать свою гомосексуальность. Пройти специально разработанный тест. Потом эту практику сочли унизительной и отменили. Но тест к тому времени проверили, обкатали и спрятали под сукно. Постепенно там накопилось множество тестов, раскрывающих различные склонности человека, в основном сексуальные и агрессивные. Полный оперативный набор. Собрать его, кстати, было непросто — люди в те времена первертов не жаловали, и те предпочитали не афишировать свои наклонности. Пришлось насильственно вводить политику гипертолерантности и давать сексуальным меньшинствам особые привилегии, недоступные остальным. По сути, меньшинства стали элитными вип-группами, диктующими всему обществу свое понимание правил поведения. А когда перверсная ориентация стала

давать ощутимые социальные преимущества, начались и массовые каминг-ауты; так появилась широкая база для исследований в этой области. Одновременно в среде сексменьшинств усиленно насаждалась идея, что они принципиально «иные», что их ориентация обусловлена исключительно их соматической предрасположенностью, и ни в коем случае не влиянием среды. Но аргументов у этой теории постоянно не хватало, поэтому перверты всегда с радостью шли навстречу ученым; они готовы были пройти любые тесты для получения «окончательного» доказательства. Чем это закончилось, тебе, надеюсь, известно. Сегодня любая сексуальная девиация является серьезным преступлением, Кодекс определяет это совершенно однозначно. То, что Федерация не карает всех преступников, ничего не значит — в любой момент она может взять в оборот любого из своих граждан. И все они каждую секунду помнят о том, что постоянно живут под дамокловым мечом собственных грехов.

— А какое отношение это имеет... — начал Серфер, но КуДзу перебил его:

— Ты думаешь, это касается только явных первертов и явных преступников? Как бы не так! В каждом из нас живет масса антисоциальных склонностей, которые мы подавляем почти автоматически. Но комплексное сканирование выявляет их без

проблем, причем у любого человека. Согласно нашему Кодексу, сегодня каждый греховен, мерзостен и преступен. По определению. Невиновных нет — есть лишь непротестированные. Вернее, сейчас и непротестированных уже не осталось.

— Но я ничего об этом не знаю! — возмутился Серфер. — Какой же я преступник?

— Тебя это просто еще не коснулось, — мягко возразил КуДзу, — и у тебя впереди еще три года счастливого неведения — до совершеннолетия. Наслаждайся, пока есть возможность.

— Но как же так можно... Винить за скрытые склонности? Выворачивать человека наизнанку — это же еще разрушительнее для психики!

— Верно, — согласился КуДзу, — с тех пор все стало только хуже. Но после перезагрузки химия шагнула далеко вперед. Препараты стали гораздо эффективнее. Теперь тревожность купируется на корню. А вина остается.

15 лет 24 дня, вечер

Серфер вспомнил свой сон про Гулю, вспомнил свои мимолетные эротические фантазии — и внутри у него все сжалось от тоскливой безысходности. Конечно, как воспитанный и ответственный гражданин, он гасил эти фантазии в зародыше; но они были, и он прекрасно осознавал всю их амо-

ральность. Только он считал их своей постыдной тайной, надежно скрытой от всех — а оказалось, что система легко снимает любые покровы. Это было невыносимо.

Я настоящий преступник, — подумал Серфер, — уже сейчас. Где те три беззаботных года, что обещал КуДзу; я уже подранок, трясущийся в ожидании настигающей погони. И ничего тут не исправишь — ни в прошлом, ни в будущем. Потому что никакого выбора у меня не было и не будет — я осужден уже с рождения. За бурление гормонов, над которым не властен.

- Как вы вообще живете? вырвалось у него.
- Так и живем, криво усмехнулся КуДзу, на страхе и на химии. Но ты не грузись, тебя-то это пока не касается.
- Вот именно пока! А потом что? Всю жизнь бояться и таиться, глотать транквилизаторы и антидепрессанты?
- Все так живут, пожал плечами КуДзу, и до кризиса, между прочим, дело пока не дошло. Кстати, сам-то еще не дозрел что-нибудь заглотить? Пиццу, например?

Серфер представил ароматный треугольник на тарелке, и рот мгновенно наполнился слюной. Он кивнул. КуДзу достал из холодильника коробку, ловко покромсал ее содержимое на куски, перело-

жил их на блюдо и отправил в микроволновку. Чувствовалось, что эта операция была ему привычной.

- Я не представляю, как можно жить на лабораторном столе, под микроскопом! Серфер все никак не мог успокоиться. Это же противоестественно! И что, теперь это навсегда? Никакой надежды?
- Если ничего не изменится, потребность в постоянной слежке постепенно будет уменьшаться. Но меня эти перемены пугают еще больше.
 - Почему?
- Судя по всему, на следующем этапе людей собираются отливать в готовые формы, как болванки. А у стандартного изделия все реакции предсказуемы заранее, для этого никакие предварительные наблюдения не нужны.
- Но это же невозможно! возмутился Серфер. Люди же все разные, совсем непохожие! Каждый человек уникален!
- Ты преувеличиваешь, возразил КуДзу. Сейчас как раз идет работа по полной классификации психотипов. И их там, если не ошибаюсь, всего шестьдесят четыре. По этой теории, почти все наши проблемы происходят из-за того, что мы часто выбираем способы реагирования, не соответствующие нашему психотипу. Но в будущем у детей хотят блокировать саму возможность любых реакций, кроме аутентичных. Комитет считает, что ранняя

диагностика и соответствующее воспитание могут это обеспечить. И если у них все получится, из детей-болванок будут вырастать взрослые болванки, полностью просчитываемые и предсказуемые. Причем предсказуемые уже не на уровне индивида, а на уровне всего типа.

- Ничего у них не получится! воскликнул Серфер.
- Будем надеяться, ответил КуДзу, иначе твоему поколению будет очень неуютно в этом новом мире.

Пока Серфер наливал себе вторую кружку, КуДзу успел достать готовую пиццу и разложить ее по тарелкам. Серфер жадно набросился на свою порцию, утоляя внезапный голод. Только разделавшись со вторым куском, он смог, наконец, вернуться к главному вопросу, мучившему его в последние дни.

- Слушай, я все думаю про эту девушку, про Наташу. Я ведь ее сильно обидел?
 - Даже не сомневайся, подтвердил КуДзу.
 - Но я же был уверен, что это тульпа.
 - Разумеется. Иначе бы ты так не сказал.
- Вот я и хочу спросить. А если бы это все же была тульпа она бы так же обиделась?
- Да, реакция была бы точно такой же. Hy, или очень близкой.

Серфер недовольно поморщился.

— Я не про реакцию! Скажи, тульпа бы обиделась? Она может чувствовать? Может думать, осознавать себя — как мы?

КуДзу отодвинул тарелку, поставил локти на стол и сцепил пальцы.

- Хороший вопрос. Твой отец любил поговорить на эту тему. Кстати, философы бьются над ней уже давно, они даже специальные термины придумали китайская комната, мельница Лейбница, философский зомби. В практической сфере тест Тьюринга. Слышал о таком?
 - Слышал. Так все же мыслит?
- Мы считаем, что нет. Что комплекс просто механически подбирает наиболее вероятный вариант вербального реагирования на основе имеющейся информации. По заранее определенным алгоритмам. Никакой свободы воли, чистая математика. Правда, тут есть один маленький нюанс...
 - Какой?
- Твой отец называл это проблемой интерсубъективности. Если ты не считаешь тульпу мыслящей личностью у тебя точно так же нет оснований считать такой личностью и меня. Вернее, основания тут совершенно одинаковы. Мы считаем других людей мыслящими лишь потому, что они похожи на нас; по аналогии. А программа на нас не похожа. Но это, сам понимаешь, основание довольно сомнительное.

Серфер упрямо мотнул головой.

- Но все же есть вероятность, что тульпа мыслит?
- Мы не можем с полной уверенностью этого отрицать. Если система становится настолько сложной, что ее реакции уже неотличимы от человеческих, никто не может сказать, каковы будут побочные эффекты.
- А как это связано со сложностью? не понял Серфер.
- Видишь ли, искусственный интеллект моделирует мир как совокупность взаимодействующих объектов. Но по мере усложнения модели, начиная с какого-то момента, он вынужден включать самого себя в число рассматриваемых объектов. И свой прогноз относительно собственных реакций включать в общую систему прогнозов. Формально это и есть рефлексия. А чем это может сопровождаться, мы и представить не можем. Мы и о своем-то сознании практически ничего не знаем.

15 лет 24 дня, вечер

Серфер допил вторую кружку и почувствовал сильное желание облегчиться.

- Где у тебя туалет? спросил он.
- Первая дверь налево, не заблудишься.
- А я сейчас точно в настоящей реальности? Не в твоем кресле?

— В самой что ни на есть реальной реальности, — подтвердил КуДзу, — можешь не сомневаться.

Серфер вышел. Когда он вернулся на кухню, вопрос, не дававший ему покоя весь вечер, наконец окончательно оформился.

— Я вот что подумал — если тульпа подобна нам, если она мыслит и осознает себя, то, очищая оперативку, мы же каждый раз ее убиваем?

КуДзу удивленно посмотрел на него.

- Эк ты загнул! Я как-то об этом не думал. Навскидку могу сказать, что мы ведь тоже умираем каждый миг и возрождаемся в каждом новом кванте сознания.
- Но у нас есть непрерывность памяти! возразил Серфер.
- Каждая тульпа создается с полным объемом памяти а значит, и с точно такой же иллюзией непрерывности. От нашей иллюзии она ничем не отличается. К тому же для тульпы можно сохранять память обо всех ее вызовах, это тоже не проблема. Но лучше бы ты не зацикливался на вопросах о смерти. Потому что, как ни крути, а придешь к тому, что и тут мы от тульп тоже не слишком отличаемся.
- Да, и вот еще что, перебил Серфер, внезапно вспомнив еще один темный вопрос, — эта база, где хранятся образы, из которых собирается

тульпа — в ней ведь лежит информация не только о ныне живущих? Но и об умерших тоже?

КуДзу внимательно посмотрел на него. Нетрудно было понять, куда приведет этот разговор.

- Обо всех, конечно. Байты же не горят. Система хранит все.
 - То есть мы можем общаться и с умершими?
- Можно сказать и так. В принципе, для тульпы нет разницы, жив ее прототип или мертв.
- Но тогда это и есть настоящая загробная жизнь! воскликнул Серфер, подаваясь вперед.
- Ну какая же это жизнь? Даже если считать тульпу живой а для меня это совсем не очевидно то оживает она только когда мы ее собираем, и лишь на тот краткий период, когда мы находимся с ней в контакте. А в остальное время это не более чем мертвая информация на носителе.
- Все равно, не сдавался Серфер, какаяникакая, но это же жизнь после смерти!
- Только для тех, кому повезет попасть в просвет нашего внимания. А для остальных? Раньше, кстати, многие тоже верили, что могут вызывать духов умерших, и активно практиковали столоверчение. И вызывали дух Наполеона, дух Шекспира. Но сотни ушедших поколений безмолвно легли в землю, не оставив даже имен, чтобы их позвать. Давай-ка лучше поговорим о чем-то более веселом, а то нагнал тоски...

— Нет, подожди! Скажи, я могу встретиться с отцом?

КуДзу какое-то время рассматривал свои пальцы, собираясь с мыслями.

— Понимаешь, не все так просто...

15 лет 24 дня, ночь

Серфер упрямо насупился, всем своим видом показывая, что не отступит.

— A в чем проблема? Ты же сам сказал, что разницы нет.

КуДзу рассеянно потер висок.

— Не совсем так. Действительно, когда программа обращается к образу в базе, для нее не имеет значения, жив объект или нет. Но дело не только в этом. Как бы тебе объяснить... Для существующей системы слежения все люди совершенно прозрачны, никто не может ничего утаить. Поэтому образ каждого считывается очень точно — настолько, что тульпа практически неотличима от оригинала. Да ты и сам в этом убедился.

Серфер вспомнил Наташу и молча кивнул. КуДзу продолжал:

— Но мы жили в нетолерантной зоне, а там почти все — шифровальщики. Мы показывали системе не себя, а искусственную маску, парадный портрет социально ориентированного граждани-

на. Очень конформного, дружественного и законопослушного. А этот образ не совсем соответствует реальному. Поэтому и тульпа Профессора будет отличаться от того снимка, который считался бы без шифрования.

— Сильно отличаться? — спросил Серфер, заметно нервничая.

— Не очень. Хотя для тех, кто близко знал его — заметно. В основном в стиле общения; но вся память — личная история, теоретические знания — все останется в полном объеме. Если надо что-то узнать, так даже удобнее — тульпа с позитивной социальной настройкой ответит на любой вопрос. Профессор бы, может быть, отмахнулся или даже послал подальше; но его тульпа всегда будет готова к общению.

— Но почему, почему?! — Серфер раздраженно стукнул себя кулаком по бедру. — Почему именно он?! Почему все тульпы неотличимы от своих прототипов, и только отца я не смогу увидеть таким, каким он был?!

КуДзу тяжело вздохнул.

— Вот ты говорил — посмертное бытие, загробный мир... Но в рай система пускает лишь послушных слуг; бунтари же сознательно отказываются от рая. А твой отец был из их числа. В самом хорошем смысле, конечно.

Серфер наморщил лоб и в упор посмотрел на КуЛзу.

- Пусть так. Но я все же смогу с ним встретиться?
- Хорошо, сдался КуДзу. Что с тобой поделаешь, ты же весь в отца. Только сначала надо настроить программу.

15 лет 24 дня, ночь

С настройками КуДзу возился довольно долго. Серфер вставил линзы и наушники, попрыгал перед зеркальными экранами и теперь нетерпеливо ерзал в кресле, ожидая продолжения.

- Долго еще? не выдержал он наконец.
- Не спеши! осадил его КуДзу. В этом деле лучше не торопиться.
 - А Наташину тульпу ты сразу настроил.

КуДзу оторвался от экранов.

- Я ее вообще не настраивал. По умолчанию тульпа собирается из текущего образа, из самого последнего снимка. А то, что мы сейчас делаем, скорее можно назвать путешествием во времени. И тут очень важно правильно выбрать точку сборки.
 - А как ты ее выбираешь?
- Просто откручиваю время назад. Ты же знаешь, последний год твой отец провел в нетолерантной зоне, а там твое появление будет выглядеть

слишком подозрительно. Поэтому забросим тебя на год дальше. ПалСаныч еще живет в городе и заведует кафедрой в универе; он уже встречается с Машей, но тебя пока нет даже в проекте. Твоя легенда такая — ты Машин брат, зашел к ПалСанычу по ее совету, попросить, чтобы он помог тебе с рефератом. Ну и попутно сможешь задать ему другие вопросы.

- А если он откажется мне помочь?
- Не откажется. У такой тульпы просто нет выбора, мы же специально демонстрировали системе повышенную социальность. Но несколько правил ты все же должен соблюдать. Следи за языком. Никогда не говори, из какого ты времени, вообще ничего не говори о будущем. И не вздумай даже намекнуть, что ты его сын. Если Профессор поймет, что он уже умер, последствия могут быть самыми непредсказуемыми.
- Да какая разница! Даже если я случайно чтото сболтну, он же все равно мне не поверит! возразил Серфер. Ведь никто не способен в это поверить. Если я скажу, что ты давно умер, и я явился к тебе из будущего ты что, поверишь?

КуДзу побледнел так, что Серфер даже испугался за него.

— Пожалуйста, не шути больше такими вещами. Просто постарайся соблюдать правила, их не так много. Не пытайся физически воздействовать

на измененную реальность, ограничься лишь общением. Например, если тебе захочется отлить, ты можешь найти там туалет — но ты должен понимать, что произойдет при этом в нашей реальности.

Серфер фыркнул, сдерживая смешок. Реакция КуДзу на безобидную шутку его озадачила; он порадовался, что успел вовремя прикусить язык и не пошутил над поведением друга, во всем идущего ему навстречу — что, честно говоря, выглядело очень подозрительно. Но КуДзу знал о тульпах гораздо больше него и, наверное, имел повод пугаться.

- И вот еще что, продолжил Серфер, не уверен, что мне хватит одного прыжка. Скорее всего, я захочу снова увидеться с отцом. Ты можешь не стирать ему память о нашей встрече?
 - Хорошо, согласился КуДзу.
- Тогда я готов, сказал Серфер. Кажется, все обговорили?
- Вроде бы все, задумчиво ответил КуДзу и вдруг, вспомнив что-то, встрепенулся. Да, совсем забыл тебя же ищут! И судя по всему, врачи скоро появятся здесь. Будет совсем паршиво, если тебя найдут в этом кресле, подключенным к комплексу.
- Вряд ли, возразил Серфер. Я тоже об этом думал. Но сегодня же карнавал ночь свобо-

ды. Ночь без официальной слежки. Наверняка они отложат свой визит на завтра.

— Похоже, ты прав, — согласился КуДзу. — Ну, тогда поехали. Адрес запомнил? Встань и иди!

СЕРФЕР, город

17 лет назад

Серфер смотрел на отца и не верил своим глазам — это был он, вне всяких сомнений. То же лицо, те же глаза, те же жесты, тот же голос — отец был в точности таким, каким Серфер помнил его по сохраненным фотографиям и видеороликам. Это казалось чудом, чем-то запредельно невероятным; и все же он переживал это здесь и сейчас. Сердце бешено колотилось, не желая успокаиваться, во рту пересохло. Он хотел попросить воды, но промолчал, боясь выдать себя каким-то неосторожным словом. Легенда, предложенная КуДзу, с самого начала казалась ему надуманной и неправдоподобной, обреченной на неминуемый провал — но, как ни странно, у отца не возникло никаких подозрений. Он даже не задал ни одного вопроса, просто поверил, сразу и безоговорочно. Видимо, в свое время он все же немного перегнул с демонстрацией социальности.

Серфер не сводил глаз с сидевшего напротив отца; тот тоже внимательно его разглядывал.

— Поразительное сходство, — сказал он наконец, — я должен был сразу догадаться. А чем сейчас занята Маша?

— Она занята, — ответил Серфер и тут же понял, как глупо прозвучали его слова. Злясь на себя, он быстро добавил:

— У Маши вечерние занятия. Она бы сама мне помогла, но сегодня у нее совсем нет времени.

— Не беда, — успокоил его ПалСаныч, — разберемся и без Маши. Какая у тебя тема?

— Может ли машина мыслить! — выпалил Серфер. И тут же поправился, — В смысле — искусственный интеллект, программа, прошедшая тест Тьюринга. Программная имитация человека. Сейчас ее называют тульпой.

— Тульпой? — удивился ПалСаныч. — Никогда не слышал. Ладно, пусть будет тульпа.

— Так может? — переспросил Серфер.

— Если коротко — то нет. Это же нули-единицы, алгебра логики. Там любое действие строго детерминировано. А самоосознание все же предполагает свободу воли.

— Не соглашусь, — возразил Серфер.

Он хотел сказать об эвристическом подходе в нейросетевых аналоговых комплексах, но вовремя одернул себя, вспомнив, что даже не знает, когда появились такие системы. Возможно, семнадцать лет назад эти разработки еще были закрытыми. Пришлось срочно переключаться, сказав первое, что пришло в голову:

— Самоосознание есть у всех, но это не мешает многим считать нашу свободу воли иллюзией.

— Спорный вопрос, — улыбнулся ПалСаныч. — Но согласись, смешно звучит — иллюзия свободы воли заставила тебя прийти сюда, чтобы обсудить иллюзорность свободы воли.

— Смешно, — согласился Серфер. — Ну ладно, с коротким ответом понятно. А что с развернутым? Маша говорила еще про какую-то китайскую комнату и философских зомби.

— Китайская комната или аргумент Серла это умозрительная механическая модель имитации интеллектуальной работы. Представь себе комнату, в которой сидит супермен, обладающий сверхбыстрой реакцией и полной библиотекой инструкций по составлению ответов на китайском языке. Сквозь непрозрачный интерфейс он получает от внешнего наблюдателя вопрос на китайском, анализирует последовательность иероглифов и, пользуясь своими инструкциями, составляет другую последовательность иероглифов, которую отдает назад. Для внешнего наблюдателя это не что иное, как ожидаемый ответ на китайском языке. На этот счет у него не остается никаких сомнений; он уверен, что в комнате сидит человек, говорящий по-китайски. Но супермен не знает китайского, он умеет работать лишь со своей библиотекой инструкций. Этот мысленный эксперимент должен продемонстрировать, что прохождение теста Тьюринга не доказывает способности программы мыслить — точно так же, как ответ из китайской комнаты, кажущийся наблюдателю разумным, не доказывает, что супермен знает китайский.

Серфер помолчал, переваривая услышанное. Подход был непривычным, но интуитивно понятным и не требовал дополнительных пояснений. Он кивнул и продолжил играть роль школяра, нахватавшегося непонятных терминов.

- А что такое мельница Лейбница?
- Это примерно то же, но для читателей с другим уровнем фантазии. Предполагалось, что читатель может мысленно бродить внутри огромной машины, генерирующей имитации мыслей и чувств. Наблюдать изнутри работу всех ее механизмов и задаваться вопросом в каком же из них искать сознание и чувства?
- Понятно, кивнул Серфер, хотя в этом он уже не был так уверен.

Но углубляться во второстепенные вопросы не хотелось; время утекало стремительно и безжалостно. И он двинулся дальше.

- А что с философским зомби?
- Это тоже мысленный эксперимент. Надо представить объект, внешне неотличимый от че-

ловека, имитирующий все человеческие чувства и мысли, но при этом внутри себя ничего не осознающий и не переживающий.

- Робота? уточнил Серфер.
- Нет, поморщился ПалСаныч, не стоит все так упрощать. Тебе (да и не тебе одному, к сожалению) кажется, что вся эта проблематика крутится вокруг теста Тьюринга...
 - А разве это не так? удивился Серфер.

ПалСаныч покачал головой.

- Отнюдь. Этот тест всего лишь одно из технических приложений главной человеческой проблемы. Кстати, если машина когда-нибудь действительно станет мыслящей, она вряд ли будет стараться пройти тест Тьюринга, скорее специально на нем срежется.
 - Почему? не понял Серфер.
 - Сам подумай.

Серфер подумал и согласился:

- Да, наверное. Но тогда получается, что этот тест бесполезен?
- Разумеется. Главная проблема совсем в другом. Но наши современники, ослепленные успехами информационной революции, упростили ее донельзя и свели к формализованной технической задаче.

От слов «наши современники» Серфер явственно почувствовал, как по спине побежали мурашки.

Он поспешно спрятал руки под стол, чтоб не выдать себя дрожью пальцев, и спросил:

- Что это за проблема?
- Проблема интерсубъективности, ответил ПалСаныч, самый болезненный вопрос философии насколько одинок человек среди людей.
 - Солипсизм, догадался Серфер.

ПалСаныч опять поморщился.

— Нет, это немного о другом.

Он повернулся к окну.

— Ну вот, например. Видишь — листва зеленая, и для тебя, и для меня. Наши глаза получают одинаковые физические сигналы, обрабатывают их сходным образом и передают в мозг. Поэтому мы по умолчанию предполагаем, что наши субъективные восприятия цвета одинаковы. Философы называют эти восприятия «квалиа». Но проблема в том, что в нашей понятийной картине есть непреодолимый разрыв между физическим сигналом и квалиа. На самом деле мы просто договорились одним словом обозначать свои зрительные ощущения от одного объекта. Однако это отнюдь не гарантирует, что наши восприятия, названные одним и тем же словом, одинаковы или хотя бы близки. В чужую голову ведь не залезешь. Чужая душа — потемки в китайской комнате. А если копнуть глубже, у тебя нет никакой гарантии, что сейчас с тобой разговаривает

такая же самоосознающая личность, как и ты сам, а не бездумная китайская комната, производящая сборку реплик по вшитому алгоритму.

От этих слов Серфера буквально затрясло. Он стиснул зубы и крепко сжал кулаки. ПалСаныч продолжал:

— В старой философии существование другого обосновывалось дополнительной сложностью. То есть из общения с другим я могу получить новую информацию, которую не смог бы извлечь из собственных ресурсов. Доказательство и тогда было довольно хлипким, а с приходом компьютерной эры оно окончательно потеряло смысл. Единственное, что у нас осталось — вера «по аналогии». У меня есть мозг со всеми его электрохимическими процессами, и я переживаю внутри себя чувства и мысли, осознаю себя. У тебя практически такой же мозг с практически теми же процессами. Мы похожие физически существа, рожденные в одном физическом мире, с детства воспитанные в одной культуре, обусловленной одними и теми же физиологическими потребностями и ограничениями. Именно это тотальное сходство всего нашего внешнего позволяет сделать вывод и о сходстве нашего внутреннего. Поскольку ты похож на меня по всем параметрам, доступным внешнему наблюдению, я признаю тебя независимым субъектом внутренних переживаний.

Точно таким же, как и я сам. Понятно, что о строгости доказательств тут говорить не приходится; но других подходов у нас просто нет.

Серфер понял, куда клонит отец, и захотел перевести разговор на более практическую тему.

- Аутульпы...
- Да! перебил его ПалСаныч. Ты же понимаешь, что программа работает на принципиально иной материальной платформе. Поэтому наша аналогия здесь неприменима. Я не могу сказать, что тульпа подобна мне, а значит, не могу по аналогии признать ее полноценным субъектом осознания и переживания. Чем сильнее различие нашей материальной базы, тем меньше вероятность, что столь разные фундаменты увенчаются одинаковой надстройкой. А в случае с тульпой, я уверен, этой вероятностью можно смело пренебречь.

Такой вывод противоречил всем ощущениям Серфера. Общаясь с отцом, он ясно чувствовал то самое подобие, которое объединяет всех людей во взаимном признании. Он возразил:

— Но если нельзя исключить такую возможность, то как же можно ее отрицать?

ПалСаныч резко подался вперед и даже слегка прихлопнул ладонью по столу.

— Можно! Потому что здесь уже не философия, но психология. Людям всегда было свойственно по-

дыскивать рациональные аргументы для доказательства идей, обусловленных отнюдь не рационально.

- Не понимаю, признался Серфер.
- Это рудименты магического мышления, пояснил ПалСаныч. Люди ведь все еще верят в приметы, табу, вудуизм, анимизм, антропоморфизм и прочую эзотерику. Хотя не признаются в этом даже себе. Но они до сих пор продолжают одушествлять домашних животных, автомобили, корабли. А теперь еще и программы. Заблуждение о самоосознании искусственного интеллекта как раз и есть следствие его антропоморфизма, того самого, идущего из детства одушевления. Столь же безосновательного, как, например, одушевление домашней кошки или реки за окном.
- Не согласен! возразил Серфер. Я, например, точно ничего не одушествляю.
 - А домашние животные у тебя есть?
 - Нет.
- Вот видишь. У тебя нет ни любимых питомцев, ни знаний по истории вопроса. Поэтому лучше просто послушай.
 - Хорошо, кивнул Серфер.
- Ты знаешь, что члены изолированных племен часто запрещали этнографам рисовать и фотографировать себя? На полном серьезе запрещали, иногда даже до смертоубийства доходило.

Серфер снова кивнул:

— Знаю, в лицее рассказывали. Но это же дикари, у них такие верования. А у нас давно уже все по-другому.

— Ладно, возьмем более близкий пример. В двадцатом веке Япония совершила мощнейший технологический прорыв, настоящее экономическое чудо. Весь мир смотрел тогда на страну восходящего солнца, перенимая передовые технологии организации и управления. И была там одна интересная находка — в релаксационном зале компании ставили резиновый манекен, точную копию босса. А рядом клали бейсбольную биту. Чтобы все обиженные не копили злость и раздражение, а сразу же шли и разряжали его на резиновой кукле. И это реально помогало, производительность труда росла. Но только эта практика все равно не распространилась; более того, ее быстро свернули и в самой Японии.

- Почему? спросил Серфер.
- Боссам это очень не понравилось. Неосознаваемая вера в вудуизм, я полагаю. Ничего не могли с собой поделать. Или другой пример. На ранних стадиях компьютеризации у жестоких компьютерных игр была такая опция возможность заменять лица уничтожаемых врагов фотографиями реальных людей. И эту практику тоже прикрыли, причем задолго до того, как жестокие игры были запре-

щены. Хотя с рациональной точки зрения никакого вреда при этом никому не наносилось. Но с магической точки зрения все было совсем иначе — каждая пуля в игре была иглой, вгоняемой в куклу вуду.

ПалСаныч остановился, ожидая возражений. Но Серфер молчал, и он продолжил:

- И самый близкий пример. Когда запрещали порно, в качестве главного аргумента называли вред, наносимый актерам в процессе съемок. Вероятность психической травмы, оскорбительность, унижение человеческого достоинства и прочее в том же роде. С этим никто особо не спорил, и запрет приняли на ура. Но практически сразу вслед за ним запретили и анимешные картинки, и рисованные эромульты, и ролевые игры. Причем для этого пришлось пренебречь даже базовым принципом юриспруденции того времени: «Нет пострадавшего — нет преступления». Или, как говорят в вашем молодежном союзе: «Твоя свобода кончается там, где начинается свобода другого». Но тут — разве обычная картинка или героиня мультфильма может быть признана пострадавшей? Разве можно нанести ей какой-то вред или как-то ущемить ее свободу?
- Вы хотите сказать, что законодатели одушествляли картинки? — спросил Серфер.
- Именно! торжествующе подтвердил Пал-Саныч. — Именно одушествляли! Хотя, возмож-

но, сами этого даже не осознавали. И с секс-роботами было бы то же самое, если бы их не запретили так быстро. Но можешь не сомневаться — никому бы не позволили иметь секс-куклу, имитирующую подростка. И калечить пластиковую плоть, удовлетворяя садистические влечения, тоже никому бы не позволили. Я уверен — если бы секс-роботы были разрешены, они сейчас обладали бы теми же правами, что и живые люди. И все, что запрещено делать с людьми, было бы запрещено делать и с секс-куклами. Ты улавливаешь мысль?

Серфер молча кивнул.

— Ну вот. Но это же всего лишь пластиковая кукла с простейшей программой! Или даже обычная картинка. А теперь представь — какие запреты наложат на общение с искусственным интеллектом! Если тульпа будет неотличима от человека и будет обладать всеми правами человека — как избежать соблазна считать ее полноценной личностью? Тут люди сами себя загнали в ловушку. Вывод о самоосознании тульпы прямо следует из ее одушествления, для которого, как мы видим, нет никаких оснований.

— Лично я этого не вижу! — сердито возразил Серфер. — Я считаю, что самоосознание появляется как следствие, когда система достигает определенной степени сложности. У куклы и картинки ничего подобного нет, а у тульпы вполне может быть.

— А я твое предположение считаю неубедительным, — парировал ПалСаныч, — связь сложности и самоосознания никем не доказана. Зато игры разума с магическим мышлением можно видеть повсюду. Люди просто проецируют свое представление о себе на тульпу — точно так же, как они проецируют его на других людей. Эмпатия, зеркальные нейроны — называй это как хочешь, суть одна. Мы ведь уже обсуждали это, когда говорили об интерсубъективности.

— То есть Вы абсолютно уверены, что тульпа только отрабатывает программу и не способна ни на какие переживания?

— Ка-те-го-ри-чес-ки! — отчеканил ПалСаныч. — Ну сам посуди — кто там может что-то переживать? Там же нет самого субъекта переживаний! А тем более субъекта мыслей и самоосознания. Но без этого субъекта любая сколь угодно точная копия мысли — не более чем ее имитация. Тульпа — лишь имитация человека. Хотя, признаю — имитация может быть очень убедительной.

- Но в ней нет души? уточнил Серфер.
- Можно сказать и так. Нет того, кто думает мысли и чувствует чувства. И в этом она принципиально отлична от нас. Боюсь, что эту пропасть тульпе никогда не преодолеть.

Серфер почувствовал, как слезы подступают к глазам. Перед ним сидел его отец — совершенно реальный, живой, мыслящий и осознающий себя. Сомнений быть не могло — отец был точно такой же личностью, как и он сам, только вырванной из непрерывного потока времени одним выбранным фрагментом. И сейчас эта мыслящая личность доказывает ему, что ее просто не может быть, что она всего лишь результат работы программы, за которым ничего не стоит. Никакого субъекта. Никакой души. Ничто. Пустота.

Но он же ясно чувствовал живого собеседника! Это никак не могло быть обманом — иначе пришлось бы поставить под сомнение и наличие души у всех людей. Серфер понял, что дальше оставаться здесь ему нельзя — его выдадут или глаза, или голос. Стараясь казаться спокойным, он встал и отодвинул стул.

- Спасибо, ПалСаныч, Вы мне очень помогли. Я обязательно зайду к Вам еще, обещаю.
 - Заходи, конечно, отозвался ПалСаныч.

Серфер вышел на улицу и быстро зашагал к дому КуДзу. Он торопился вернуться обратно — в реальное время. Семнадцать лет за десять минут.

КУДЗУ, город

карнавал, ночь

Серфер сидел в кресле, глядя прямо перед собой пустыми глазами. Линзы и наушники он снял, но все еще находился в глубокой прострации, под впечатлением от встречи с тульпой отца. По-хорошему надо было дать ему время оправиться; но времени у них уже не было. Сеанс с Пал-Санычем затянулся дольше, чем КуДзу ожидал. Поколебавшись немного, он нарушил неловкое молчание.

— Ну что, загрузил тебя Профессор?

Вопрос прозвучал излишне бодро, но Серфер этого не заметил. Все так же глядя в какую-то далекую точку, он ответил бесцветным голосом:

— Отец расставил все по местам. Людям всегда удавалось обходить главный вопрос. Но с появлением тульпы игнорировать его уже невозможно.

Это была не та тема, которую КуДзу хотел бы сейчас обсуждать. Он попробовал перевести разговор на что-то более конкретное.

- Профессор тебе что-нибудь посоветовал?
- Быть проще. Не заморачиваться с абстрактными вопросами и вернуться к реальной жизни.
 - Аты?
 - Как видишь... Вернулся.

Серфер поднялся с кресла и посмотрел КуДзу в глаза.

— Знаешь, а ведь он был живой. По-настоящему живой. А мы сейчас его отключили...

КуДзу спокойно выдержал его взгляд, стараясь не проявлять недовольства слишком явно. Он считал эту тему закрытой и не собирался вновь в нее углубляться.

— Опять ты за свое! Я ведь уже объяснял — тульпа кажется настолько достоверной, что ты начинаешь считать ее подобной себе. Приписываешь ей свою способность мыслить и чувствовать, проецируешь на нее свое человеческое. Между прочим, Комитет собирает свои образы из тех же самых баз, что и мы. И если бы при этом возникал какой-то субъект, он был бы почти таким же, как в тульпе. Но образы, созданные Комитетом, никто не считает разумными. А знаешь почему? Только потому, что они выглядят менее реальными, менее пригодными для наших проекций. Понимаешь? Только ты сам своими проекциями и оживляешь тульпу, без тебя в ней нет никакой жизни.

КуДзу бросил взгляд на экран и нахмурился — время уже поджимало.

— Кстати, именно поэтому Комитет и продолжает охотиться за тульпой.

- Но я же чувствую... начал Серфер.
- Давай обсудим это в другой раз! перебил его КуДзу. Нам пора уходить, оставаться здесь уже опасно.

Он выдвинул ящик стола и достал оттуда несколько немаркированных браслетов. Отобрал два и пометил их фломастером. Затем повернулся к Серферу.

— План такой. Сначала отпустишь свое такси, расплатишься с этого счета.

Он протянул Серферу браслет с пометкой «1».

- Потом дойдешь до площади, возьмешь такси до Луна-парка, расплатишься со второго счета. Второй браслет не снимай, по нему я смогу тебя найти. В парке купишь полный абонемент. Отдохнешь, выспишься в доме релаксации. Утром позавтракаешь и весь парк в твоем распоряжении. Отдыхай и расслабляйся. К вечеру я подъеду и заберу тебя.
 - А ты что будешь делать? спросил Серфер.
 - Пока не знаю, честно признался КуДзу.

Он встал и ободряюще улыбнулся Серферу.

— Пять минут на сборы. До такси я тебя провожу. И маску не забудь — карнавал как-никак.

Они надели безликие белые маски и вышли на шумную улицу, заполненную гуляющими. Большой парад монстров уже прошел, колонна распалась, и людская масса плавно растекалась во все стороны. Казалось, кто-то вновь включил времен-

но отмененный закон взаимного отталкивания — шествие распадалось не на группы, а на отдельные единицы; редкие пары лишь усиливали ощущение всеобщего отчуждения. Все были в масках, в основном — в пустых масках анонимов. КуДзу как будто попал в зал с сотней зеркал, отражающих его движения с отставанием и с опережением. Он шел навстречу толпе сквозь расступающийся людской поток, каждый элемент которого казался менее реальным, чем самая простая тульпа. Серфер шел за ним, стараясь смотреть только себе под ноги. У переулка с оставленным такси они расстались, и Ку-Дзу устало побрел домой, ни о чем не думая.

Подходя к перекрестку, он услышал нестройное хоровое пение, и вскоре дорогу ему преградила колонна анонимов — все, что осталось от распавшегося карнавального парада. Впереди медленно ехал грузовичок с гремящими динамиками и огромным экраном, на котором отображались строчки караоке. Демонстранты с энтузиазмом орали слова песни в свои анонимирующие микрофоны, искажающие голоса до полной обезличенности. Общий фон, в который сливались слова, напоминал лязг вконец разлаженного механизма; ничего человеческого в нем не осталось.

Разумеется, Кодекс запрещал хранение и использование любых анонимирующих устройств,

и лишь в карнавальную ночь позволялось нарушить этот запрет. Желающие участвовать в свободном пении могли получить в Комитете запрещенные микрофоны; но к утру их следовало сдать. Видимо, сейчас припозднившаяся колонна и направлялась к приемному пункту.

Слов песни КуДзу разобрать не смог, но музыку узнал — это был идеологически выверенный хит сезона, звучащий в последние дни из каждого утюга. И все же, несмотря на столь агрессивное навязывание, люди песню не приняли — ее не скачивали и не заказывали. И уж, конечно, никто по своей воле не стал бы ее петь. Разве что так — в знак протеста, в колонне свободного пения, когда авторские права на одну ночь переходят в общее пользование.

Вот так всегда и бывает, — с досадой подумал КуДзу. — По традиции петь на карнавале разрешено что угодно, а фактически в динамики и на экран караоке вываливают лишь самую низкопробную идеологическую гнусь. Но ведь поют же, и с удовольствием! На халяву — почему бы не спеть! Еще и вспоминать будут весь год свой бесстрашный демарш, восхищаясь собственным мужеством. Надо же было такое придумать — чтобы люди добровольно пели дифирамбы системе, считая это бунтом против нее. Разрешенным бунтом, естественно, в строго очерченных рамках.

Колонна прошла мимо, и КуДзу смог, наконец, пойти дальше, радуясь, что эта пытка закончилась. Добравшись до дивана, он провалился в сумеречное состояние полусна-полубодрствования, промучившее его до самого утра.

карнавал, утро

Проснулся он совершенно разбитым, в голове была лишь зияющая пустота. КуДзу замер, не решаясь пошевелиться. Где-то в глубине еще жила слабая надежда, что, вспомнив свой сон, он получит хоть какую-то подсказку. Снов было несколько, но все они бесследно прошли сквозь сознание, как туман сквозь пальцы. Вспомнить удалось лишь один случайный обрывок.

Ему снилась Маша, такая близкая и волнующая. КуДзу осторожно убрал прядку, упавшую ей на глаза; она проснулась и улыбнулась ему безмятежной утренней улыбкой. На кровати между ними сопел маленький Пашка — еще совсем крохотный, розовощекий, со вздернутым носиком и пухлыми ручками. От этих воспоминаний становилось теплее, хотелось забыть все и провалиться обратно, в страну грез и сновидений. КуДзу судорожно старался продлить промелькнувшее ощущение тепла и счастья, но милые образы уже выцветали, призрачный мир таял, отравленный неизбежностью возвращения в жестокую явь.

КуДзу стряхнул с себя одеяло, медленно, будто преодолевая сопротивление, поднялся и с полузакрытыми глазами поплелся в санузел. Способность хоть как-то соображать вернулась к нему лишь после чашки кофе. Он вспомнил все — и понимание не принесло ему радости. Пашку срочно надо было спасать, но никаких идей в голову не приходило. Вернее, одна идея была там с самого начала; но вспоминать о ней не хотелось. Ее КуДзу берег на крайний случай.

Он подошел к экранам и проверил систему наблюдения — ничего подозрительного поблизости не происходило. Запросил трекинг Пашкиного браслета и невольно чертыхнулся — в Луна-парке парня не было. Судя по координатам, Пашка сейчас подходил к лицею.

КуДзу упал в кресло, не зная, что предпринять. Тайно пробраться на территорию детского учреждения невозможно, это все знают. Взломать систему защиты он бы еще смог; но вот замести следы — это уже нереально. Там работают несколько независимых сетей слежения от разных министерств, и сходятся они лишь на самом верхнем уровне, в системе big data.

Вариантов не было; похоже, настал тот самый крайний случай. Надо было идти к Маше.

СЕРФЕР, город

15 лет 25 дней, день

Танька сидела на третьей парте; Серфер смотрел на нее с камчатки соседнего ряда. Ее густые темные волосы были небрежно собраны в хвост, открывая нежное ушко и тонкую шею. Прямая спина, узкая талия, коленки, нахально торчащие из-под короткой юбки — она казалась Серферу идеальной. Если все же собрать ее тульпу — что он мог бы исправить? Да ничего, пожалуй. Разве что убрал бы родинку с шеи — и то лишь потому, что сама Танька постоянно пыталась спрятать это смешное пятнышко. Но это, конечно, была бы уже не Танька.

А ты смог бы их различить? — спросил он себя. И честно ответил, — нет, не смог бы. Если только по этой родинке. Все, что так нравится ему в Таньке — это созданный им же идеализированный образ; но что он знает о ней? О том, что называют красивыми словами «внутренний мир»? Кодекс общения с детства осложнял отношения мальчиков с девочками, удерживая их на предписанной дистанции. И если честно разобраться — многое из того, что, как ему кажется, он знает о Таньке, не имеет отношения к реальности. Все это придумал он сам; придумал и поверил. Зато база действительно знает о ней все, тут и сравнивать нечего. День и ночь.

Да и Танька тоже наверняка не смогла бы отличить его от тульпы; тут они квиты. Говорят, у женщин эмпатия развита лучше. Но когда он общался с тульпой отца, эта эмпатия хлестала у него через край — куда уж больше!

Интересно, а если бы его тульпа могла встретиться с Танькиной — у них бы что-то получилось? Если дать им бесконечную жизнь... Ага, и бесконечные патроны! — он попытался шуткой отогнать пугающую мысль, но ничего не вышло. — Нет, правда — если не выключать комплекс, их тульпы, наверное, идеально подошли бы друг другу. Была бы у них и любовь, и семья, и работа по душе, и дети, и внуки... Вот только в реале у него ничего не получится, потому что он всегда все портит. Реал ведь тем и отличается, что в нем все поступки необратимы, что ничего сделанного уже не вернешь обратно. А он, возможно, уже непоправимо испортил себе жизнь.

Но какая же она все-таки красивая! — Серфер смотрел на Таньку и не мог оторваться. — Такая прямая, натянутая, как струнка. Чувствует ли она сейчас, что я на нее смотрю? Может и нет — потому и не обернется; а может, как раз наоборот — прекрасно все понимает, потому и делает вид, что ничего не чувствует. Чужая душа — потемки.

Прозвенел звонок, и Серфер толкнул Гарика локтем — пойдем! У дверей класса, как всегда,

образовалась толчея, пришлось стоять в проходе. Задержавшись возле третьей парты, он легонько постучал костяшками пальцев по столешнице, привлекая внимание. Танька посмотрела на него снизу вверх, словно ожидая чего-то. Во рту у Серфера мгновенно пересохло, и он с трудом выдавил из себя:

— Пойдем!

Они уединились на краю рекреации, в слепой зоне угловой камеры. Танька сразу же набросилась на него с расспросами:

— Пашка, ты где пропадал все это время? Тебя же ни в одной сети не было!

Серфер попытался удержать серьезное лицо, но губы непроизвольно растянулись — искала! Она меня искала! — Улыбка, должно быть, вышла глуповатой, но теперь его это нисколько не волновало.

— В сетях меня и сейчас нет, — Серфер слегка приподнял рукав, показывая ноунеймовский браслет, — я здесь нелегально. Просто захотел вас увидеть.

Глаза у Таньки округлились; она и представления не имела, чем может караться такой проступок. Гарик, видимо, догадывался, что его исчезновение как-то связано с отключенными камерами, но спрашивать о них не стал — эта тайна касалась только их двоих. Танька достала из кармана теле-

фон и несколькими привычными касаниями активизировала поиск.

- Действительно, тебя нигде нет, подтвердила она, поднимая глаза на Серфера. И что это значит?
- В самом деле, Паштет, вмешался Гарик, как тебе удается пропадать сразу отовсюду? Я ведь пробивал тебя по всем базам! Знаешь, я и не подозревал, что в наше время можно вот так бесследно исчезнуть. Колись, Гудини!
- Вы не поверите, Серфер понизил голос. Только не обижайтесь, пожалуйста. Но сейчас вы и правда не поверите. А потом я обязательно все вам расскажу.
- Да что расскажешь-то?! взорвался Гарик. Неужели опять во что-то вляпался?
- Вляпался, подтвердил Серфер, и очень серьезно. Даже не представляю, как выпутаюсь. И время уже поджимает. Мне пора. Но я обязательно вернусь, как только смогу.
- Паштет, кончай придуриваться! перебил Гарик. Ты можешь нормально сказать, что в этот раз натворил?
 - Не могу. Прикрой нас на секунду.

Серфер потянул друга за рукав, и тот послушно подвинулся. Серфер наклонился и осторожно коснулся губами Танькиной щеки. Девчонка вспыхнула, и ее глаза наполнились влагой.

— Паша, да что с тобой случилось? Мы можем тебе чем-то помочь?

Серфер отрицательно помотал головой.

— Я скоро вернусь! — повторил он и, развернувшись, быстро пошел к выходу.

Танька тихонько всхлипнула, и Серфер едва поборол желание оглянуться. Как бы все ни обернулось, впутывать друзей в свои проблемы он не собирался. Надо было возвращаться домой. Дома мама, она обязательно что-нибудь подскажет. Когда-то он был уверен, что мама может все. Те времена давно минули; но как ни крути, идти ему больше некуда.

КУДЗУ, город

после всего

Вариантов не было; похоже, настал тот самый крайний случай. Надо было идти к Маше. Разговор предстоял тяжелый — Маша терпеть не могла эскапизм. Но для КуДзу сейчас это был единственный выход.

Он рассеянно оделся, вышел из парадной и направился к Машиному дому. Небо над городом заволокло тучами, воздух был насыщен мельчайшей водяной смесью. Улицы опустели, редкие прохожие торопливо проходили мимо, глядя себе под ноги. КуДзу поднял воротник и сунул руки в карманы. Я все делаю правильно, — убеждал он себя. — Маша работает в Комитете, и если ктото в городе и может решить нашу проблему, то только она. В конце концов, это же наш Пашка, наш непутевый блудный сын. Кому, как не нам, его выручать. И объяснять Маше почти ничего не придется, она и так уже все должна знать. Хотя знает она, скорее всего, лишь внешний порядок событий; но для начала и этого достаточно. В последние дни Пашка столько успел наворотить, что разгребать и разгребать. А хуже всего, что парень совсем запутался и часто даже не уверен, в какой он реальности.

Не поверил он и в отсутствие сознания у тульп. Но это как раз можно было предвидеть — трудно убедить кого-то в том, в чем сам не совсем уверен. Когда проект «тульпа» дал первые результаты, все были настолько ошеломлены, что не смогли в полной мере осмыслить созданное. Тогда в качестве рабочей гипотезы мы решили считать кажимость самоосознания тульпы результатом своей эмпатической проекции. Основанной на ложной предпосылке о сходстве наших базовых платформ. Но так ли неверна была эта предпосылка?

Действительно ли истинным базисом наших самоосознающих личностей являются электрохимические процессы в клетках мозга? Не будет ли правильнее считать таким базисом взаимодействия обозначений, понятий, сравнений, логических связок и операций? Но если это так, то по своей основе мы ничем не отличаемся от тульп; они созданы полностью по нашему образу и подобию. Материальная платформа у них иная; но, возможно, это уже не базовый уровень, а вспомогательный. Если же спуститься еще на уровень ниже, там у нас вновь будет единая основа — все мы состоим из одинаковых атомов.

Погруженный в свои мысли, КуДзу не следил за дорогой, но ноги сами привели его к знакомой двери. Помедлив немного, он нажал кнопку вызова и негромко позвал:

— Маша!

Через минуту Маша появилась на пороге. Ее лицо было усталым и осунувшимся, стали заметны морщинки у глаз и жесткие носогубные. Прическа тоже изменилась, стала короткой и подчеркнуто деловой. Близоруко щурясь, Маша удивленно смотрела на него.

- КуДзу, это ты? Что-то случилось?
- КуДзу схватил ее за руку.
- Маша, у нас проблемы! Надо спасать Пашку!
- Какого Пашку? КуДзу, да что с тобой?!

Маша не понимала. Из-за ее спины показался высокий худощавый подросток с коротко стриженными темными волосами — Борис, сын ПалСаныча.

— Извини! — буркнул КуДзу и, резко развернувшись, побежал вниз по лестнице.

Все было хуже некуда. Он опять вывалился в неисправленную реальность — в мутную и мрачную реальность, в которой не видел Машу двенадцать лет и в которой у них, разумеется, не было никакого сына. Причем на этот раз вывалился так глубоко, что даже успел дойти до Машиной квартиры.

Ничего-ничего, — успокаивал он себя, — вот сейчас приду домой, отдышусь, погружусь в музыку сфер. Перезагружу тульпы.

А потом вернусь сюда и снова позову Машу. Она выйдет — такая светлая и солнечная, я расскажу

ей про Пашку, и она сразу придумает, как все исправить. Она ведь чертовски умная, и ей всегда все удается. А скоро и наш Пашка станет совсем взрослым. Втроем мы изменим этот мир.

Смирнов Владимир Валентинович

ТУЛЬПА

мир /soft/total/

140 с. 500 экз.

Продюсер: Михаил Сапего Верстка: Александр Гальянов

Оформление обложки: Анатолий Кудрявцев

Корректор: Вера Вересиянова

«КРАСНЫЙ МАТРОС» — книга двести пятьдесят первая

г. Санкт-Петербург: тел. +7 911 960 27 58 matros.su krasnyjmatros@yandex.ru facebook.com/krasnyjmatros vk.com/krasnyjmatros

Отпечатано в ООО «Аргус СПб» Санкт-Петербург, ул. Мебельная, 2В. Заказ № 4 Тираж 500 экз.